

Жизнь
за ангела

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Соловьёва Наталья

Наталья Соловьева

Жизнь за ангела

<https://litres.ru/67288773>

SelfPub; 2026

Аннотация

Роман, военно-историческая драма. История одной семьи с 1917 по 1945 годы. Судьба разделила двух сестер, одна из которых осталась в России (СССР), другая уехала в Германию. Её сын, молодой немецкий журналист, через много лет попадает на фронт, оказавшись по разные стороны баррикад со своими родственниками из России, служит в разведке Иоганн раненым попадает в плен и влюбляется в русскую медсестру Катю. Начало Курской битвы, о подвигах советских разведчиков.

Наталья Соловьева

Жизнь за ангела

Предисловие

Действие происходит во время Великой Отечественной войны. Молодой немецкий юноша, имеющий образование журналиста, попадает на восточный фронт, но все не так просто... Жизнь и судьба спутывает все карты так же, как смешала в его жилах немецкую, польскую и русскую кровь! На войне, он чудом, оставшись в живых, раненный попадает в плен к советским войскам, где его вербуют на нашу сторону. Он влюбляется в русскую девушку Катю, а затем погибает в одном из боев, защищая ее. В повести описаны исторические эпизоды Курской битвы, о том, что ей предшествовало, и как она начиналась.

Была ли эта история правдой? Не знаю сама, пусть судят читатели, но только уверена, что многие вещи здесь точно не выдуманы. Я как писатель сама хотела бы знать, кто мой герой. Да и могло ли такое случиться? Ненависть – обернуться нежной любовью, сильнее смерти, сильнее страха, сильнее боли. Могло ли быть так, что бывшие когда-то друзья стали врагами, а враги наоборот – верными товарищами и друзьями? Могла ли эта дружба быть сильнее огня, крепче стали? Наверно всякое случилось и могло бы произойти.

ОСНОВАНО НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ (автор уверена, что данная история не выдумана)

Глава 1

Эта история произошла еще задолго до моего рождения, но события, которые тогда произошли, возможно, определили всю мою дальнейшую судьбу, а может и жизнь...

Жила в Одессе одна семья, некоего государственного чиновника, дворянского происхождения и весьма состоятельного. Одна из дочерей этого чиновника, Анна, вышла замуж за Яна Новацкого, сына торговца, предпринимателя польского происхождения, который имел сеть магазинов во Львове, а также родственников в Польше.

Стали они жить-поживать, заимели свой магазин, обувную лавку, торговали ювелирными изделиями. Детей Новацкие нажили трое – старшую дочь Татьяну, среднюю дочь Марию и младшего сына

Анатолия.

Шло время. Только вот началась в России вся эта смута, сначала война, первая мировая, а потом одна революция, вторая... Все одно к одному, да одна беда за другой!

Но для начала, начнем с того, что ювелирную лавку Яна Новацкого ограбили, причем, случилось все это прямо среди белого дня! Когда двое покупателей рассматривали украшения, в лавку неожиданно ворвались двое грабителей и стали

требовать отдать им выручку и товар угрожая оружием.

– Всем стоять! Это ограбление!

– Деньги, драгоценности в мешок!

Перепуганные до смерти покупатели застыли на месте, а продавец, побледнев от страха, начал торопливо вынимать выручку из кассы.

Очнувшись от первоначального шока, посетители бросились было бежать, но не тут-то было!

– Стоять! – послышался отклик одного из бандитов. – Серьги снимайте мадам, и все ваши цацки. Кошелек не забудьте!

Второй бандит, поторапливал продавца:

– Быстрее, быстрее! Тебе шо, неясно сказано?

Разбив витрину и собрав все ценности, которые были, двое дерзких налетчиков быстро выбежали из магазина, где на улице их ожидала повозка и были таковы!

В полицейском участке, Яну Новацкому ясно дали понять, что надеяться не на что, и преступление вряд ли раскроют. Начальник участка только развел руками:

– Ничего вам не обещаю! У меня куча дел нераскрытых!

– А мне, что прикажете делать? У меня товара украли более чем на четыре тысячи и забрали всю выручку!

– Сейчас банд развелось в Одессе, один «Япончик» чего стоит. Мы его никак словить с поличным не можем.

– Черт знает, что творится в этом городе!

Оставив заявление на столе, раздраженный Новацкий вы-

шел из участка.

Дома, Ян рассказал все жене, которая как могла, попыталась его успокоить, но явно была огорчена этим известием.

– Ян, дорогой, успокойся!

– Мне придется прислугу уволить. Я не смогу ей платить!

– Наши дети уже почти взрослые, я справлюсь! Не расстраивайся ради Бога!

Летним солнечным днем, двое сестер шли по улице Одессы и оживленно щебетали между собой, обсуждая свои девичьи секреты:

– Ой, Мария! Я кажется, влюбилась! Тот парень на рынке, ты видела, как он на меня смотрел? – ворковала Татьяна.

– Да, он глаз с тебя не сводил!

– Его Александром зовут, он в лавке пока грузчиком подрабатывает.

– Красавчик, но боюсь, только папенька с маменькой не одобряют эти отношения.

– Он встречу мне завтра назначил. Только ты меня не выдавай!

– Таня! А вдруг он бандит какой?

– Нет, я так не думаю. Этого быть не может!

– Ой, сестренка! Откуда ты знаешь?! Заморочит он тебе голову.

– Ты даже маменьке не смей проболтаться!

– И что мне с этого будет?

– Ну, хочешь, я серьги тебе свои подарю, которые тебе так

нравятся. Помнишь?

– Могила!

Зайдя в дом, девушки застали родителей за столом и те были явно чем-то расстроены.

– Мама, что случилось? – спросила Мария.

– Нас только что ограбили. Отец был в полицейском участке.

– Как ограбили? – спросила Татьяна.

– Ювелирный салон. Похоже, нам придется закрываться и, если так дальше дело пойдёт, придется уволить прислугу и нашу горничную.

– Тетю Софу?

– Но как же так?! – возмутилась Татьяна.

– Мы не сможем больше ей платить, я почти разорен. Вынесли все драгоценности. Есть еще кое-что, но боюсь, что этого мало, чтобы сохранить наш бизнес. – ответил Новацкий.

– Но мы можем оформить кредит в банке. – сказала Анна.

– Под какие проценты? Эти банки грабят не хуже бандитов... – возразил ей Ян.

Глава 2

Ян Новацкий был явно не в настроении, одетый в домашний халат он вышел из гостиной и подозвал к себе старшую дочь.

– Татьяна, подойди ко мне!

– Да папенька.

– Что за парень, с которым ты встречаешься? Слухи до меня дошли, что вас видели вместе.

– Это Мария сказала?

– Об этом уже вся Одесса знает! Одни бандиты сейчас кругом. Шоб я не видел тебя с этим голодранцем! – он ударил кулаком по столу.

Прошло еще немного времени, и Татьяна почувствовала неладное, по утрам ее стало тошнить, кружилась голова, от чего она едва не упала в обморок. За обедом девушка вдруг внезапно вышла из-за стола и побежала в уборную, Мария кинулась следом за ней.

– Что с тобой?

– Не хорошо мне. Пирожок съела, он, наверное, не свежий.

– Таня... Ты случайно не...? У тебя ничего с этим парнем не было?

– Нет.

– Правда?

– Нет, у меня ничего не было. Папенька меня убьет, если узнает. Ты же не скажешь?

Татьяна и сама понимала, что долго скрывать беременность у нее не получится, рано или поздно родители об этом узнают. Матушки девушка особо не боялась, но отец был довольно серьезным и строгим, он точно не выдержал бы такого позора и выгнал бы ее из дому. Недолго думая, девушка

вскоре рассказала обо всем своему парню. Посоветовавшись со своими родителями, Александр решил, что Татьяна будет жить у него и его родителей, пока он не заработает денег и не снимет жилье, другого выхода не было! Да и маменька как ни как с ребенком поможет.

В октябре 17-го года грянула еще одна революция, свергнув временное правительство в Санкт-Петербурге, власть захватили большевики.

Беда не приходит одна! Рано утром, Новацкий, зайдя в столовую внезапно обнаружил на столе записку от старшей дочери: «Не ищите меня, я ушла из дому, больше не вернусь. Простите меня, если сможете. Ваша дочь, Татьяна».

Ян Новацкий был в бешенстве!

– Мерзавка! Как она могла?!

На крик выбежала Анна.

– Ян, что случилось?

– Наша дочь сбежала из дому, с этим голодранцем, у которого даже штанов приличных нету! Вот, записка – читай!

– Как сбежала? Этого не может быть! Господи!

– Кохает она его! Бессовестна дивчина! Если, я ее сщукаю, не знаю, что с ней сделаю! Выпорю!

– Ян, ради Бога!

Услышав в шум, в гостиную выбежали Мария и младший сын Анатолий двенадцати лет.

– Мама, что случилось? – спросила Мария.

– Сестра твоя, Татьяна, сбежала с этим парнем, Алексан-

дром. – ответила мать.

– Ну и пусть катится к своему оборванцу! «Шоб ноги ее в доме моем больше не было!» —сказал Отец.

Зимой советская власть докатилась и до Одессы, начали организовываться народные комиссариаты и прочее. Народ разделился на два враждебных лагеря, кто-то поддерживал большевиков, а кто-то не принимал их категорически, надеясь на восстановление Российской империи. В стране назревала гражданская война.

– Ничего хорошего не будет! В стране бардак! Я понятия не имею, что нам ждать от этих большевиков. – говорил Ян Новацкий.

Александр же, который был из простой рабочей семьи встал на сторону новой власти и всячески ее поддерживал, считая, что капитализм – это пережиток прошлого. Вскоре большевики явились в дом Новацких, описали и конфисковали большую часть их имущества.

Новацкому ничего не оставалось, как продать свой дом, остатки своего имущества и уехать в Польшу, начав все с нуля. Александр позднее подался в ряды Красной Армии и у них с Татьяной родился сын, которого назвали Сергей. В России у Анны остался брат, который воевал на стороне Деникина, пытался эмигрировать за границу, предположительно во Францию, Германию или Швейцарию, но погиб.

Прошло еще какое-то время, около года. Семья Новацких обосновалась в Польше, в небольшом городке Познань. В Познань, (а до 1919 г. немецкий Позен, восточная Пруссия), Ян Новацкий перебрался по причине того, что там жили его родственники, сестра и брат. Шел глобальный передел мира, Первая Мировая, поэтому полыхало везде, во всей Европе и Азии, не было ни одного спокойного места, кроме Соединенных Штатов! Изначально, эмигрировать из России Анна никак не хотела, а тем более оставлять свою дочь, у которой должен был родиться ребенок, но Ян ее уговорил.

Встретили родственники мужа Анну весьма приветливо.

– Знакомьтесь! Это моя жена – Анна, Дочь – Мария, Сын – Анатолий. Анна – это моя тетя – Зося, брат – Михаил. Лех – муж сестры, Сестра – Ева... – представил Новацкий.

– Проще пани! Мы очень вам рады. Проходите, пожалуйста, не стесняйтесь. – приветливо ответила Тетя Зося.

– Простите, Анна еще плохо понимает по-польски. – объяснялся Ян.

– Ничего, мы ей поможем. «Правда Михаил?» – сказала Ева.

– Конечно, можете на нас положиться. – ответил ей Михаил.

Мария повзрослела, расцвела и превратилась в прекрасную девушку. По выходным она часто помогала отцу, торговала в обувной лавке. Имея приличное образование, Мария знала немецкий, польский язык и немного французский.

Однажды, в магазин заглянул молодой человек, наполовину немец, наполовину поляк. Оказалось, что у него развалились ботинки, лопнула подошва и пришлось срочно искать новые. Делать было нечего, и он зашел в ближайшую обувную лавку, где и увидел Марию. Звали его Вильгельм Локке, проживал он в Германии в Штеттине, в Польшу приехал к родственникам, заодно по каким-то делам – это и был мой отец.

– Здравствуйте пани! – сказал он приветливо.

– Здравствуйте пан! Что желаете?

– Мне обувь нужна, мои туфли совсем сносились, подошва оторвалась.

– Постараюсь вам помочь. – улыбнулась Мария – Какой у вас размер? Как вам вот эти?

– Спасибо. Мне нравится! Пожалуй, я их примерю. Они мне подходят? Сколько стоят?

– 2 марки.

– Беру! Пани, вы такая красивая! Как вас зовут?

– Мария.

– Мария? У вас красивое имя! Вилли, точнее Вильгельм.

– Очень приятно.

– Вы немец?

– Да, я из Штеттина.

– Вы хорошо говорите по-польски.

– Спасибо! У меня мама полька, мы живем в Германии.

Я часто здесь бываю у родственников. Вы, наверное, здесь

недавно? Я раньше вас не видел.

– Мы приехали из России. Вы, наверное, знаете, что там происходит.

– Конечно, мне очень жаль. Там власть захватили большевики. Мария, вы свободны? Я имею в виду не замужем?

– Нет.

– Тогда встретимся вечером? Вы согласны?

– Конечно!

Вскоре у них завязался бурный роман. Мария забеременела и они поженились. Молодые уехали в Германию и там обосновались. Вскоре, 28 мая 1920 года у них родился мальчик – так появился я. Отец назвал меня Иоганн-Вильгельм, в честь моего деда, а мама называла меня чаще всего Иваном или Иванко, так ей было привычнее.

В августе того же года большевики едва не взяли Варшаву, но потерпели поражение. Новацкий конечно же сильно переживал по этому поводу: «Еще не хватало, чтобы они и здесь свою власть устанавливали!»

Глава 4

Родители очень меня любили и баловали как могли. Отец постоянно покупал и дарил мне игрушки, таскал на руках, а мама пела мне колыбельные на русском языке, поскольку колыбельных на немецком она просто не знала! Часто в доме говорили и на немецком, и на польском, так что я сразу схватывал два языка.

– Папа, папа! Какие у меня солдатики! Я крепость построил, она настоящая! Смотри! – радости моей и восторга не было предела!

– Ух! В самом деле! Иди ко мне! Сейчас будем ее штурмовать... Возьмем крепость в бою и пойдем спать!

– Хорошо!

– Спать пора! – возмущалась мама.

– Мы еще немножко! – отвечал ей отец.

Елку на Рождество мы украшали все вместе, сами делали игрушки, бумажные фонарики, гирлянды, вешали пряники и печенье, разноцветные шары, солдатики. А знаете ли вы, что традиция украшать елку на Рождество зародилась именно в Германии? Как я был счастлив, когда отец подарил мне деревянного коня-качалку! Этот конь долгое время был моей любимой игрушкой, и я с него почти не слезал! Любил я в детстве и сладости. Ребенком я был не всегда послушным, но очень активным и любознательным, любил книжки и сказки. Спать меня уложить было очень сложно, засыпал поздно, а с трех лет днем я не спал. Темноты я боялся, был очень пугливым, ранимым и впечатлительным. Любил я и кривляться, часто был дразнилкой, задирой, за что от ребят мне потом прилетало. В дальнейшем эти качества превратились в тонкий юмор, способность к критике и самоиронии.

Было все хорошо, но, когда мне исполнилось почти пять лет, отца не стало. Мама ждала его вечером, а он не вернулся, пришлось заявить в полицию и тело искали несколько дней.

Вечером в дверь нашего дома постучали.

– Фрау Мария?

– Да.

– Мы по поводу вашего мужа, он пропал неделю назад. Нашли его тело, вы должны проехать в участок на опознание.

Услышав подобное известие, моя мать едва не упала в обморок, еле-еле привели ее в чувство. Я тогда еще в полной мере не мог осознать того, что случилось, спрашивал маму: «Где папа?» – она плакала, обнимала меня и говорила, что больше он не придет. Возбудили криминально дело, но убийц так и не нашли. Моя бабушка по отцу, очень тяжело пережила потерю сына, поскольку в первую мировую она потеряла мужа, из-за чего здоровье ее сильно подорвалось и долго после этого она не прожила.

Вскоре к нам часто стал заходить один полицейский, помощник следователя, Рихард Шнайдер. Он настойчиво ухаживал за мамой, дарил цветы, и вскоре она сдалась. Мне непривычно было видеть в доме чужого мужчину, у меня к нему вспыхнула какая-то ненависть и я категорически отказывался его принимать. Иногда я подбегал к нему и начинал колотить его кулаками с криками: «Отстань! Не трогай ее! Это моя мама!» – на что Рихард отмахивался от меня как от назойливой мухи, давал шлепков, запирали меня в комнате или ставил в угол. Мама пыталась меня защитить, но это ей не всегда удавалось: «Рихард не тронь его, он же еще ребенок!» – говорила она. Какое-то время отчим терпел мои

выходки, но в конце концов не выдержал, и чаша его терпения переполнилась: «Ребенок?! Ему почти уже шесть лет! Он должен понимать. Увози его к своей матери, путь с ним нянчится, а мне надоело!»

Как ни старался отчим, но заменить мне отца он так и не смог. Я еще не догадывался, что мама ждет от него ребенка и у меня будет сестра. Чтобы не доставлять им лишних хлопот меня решили отправить на время к бабушке, в Польшу.

Глава 5

Познань, где жили бабушка и дедушка, был небольшим польским городком, но и не таким уж маленьким! В центре была довольно большая площадь, мощеные узкие улочки и даже многоэтажные здания до трех, четырех этажей. Также в центре был большой рынок, ярмарки, где можно было купить все что угодно, и церковь, костел с высокими остроконечными шпилями упиравшимися в голубое, бездонное небо. Впрочем, по архитектуре Польша не очень сильно отличалась от Германии, как любой европейских город. Большую часть 19-го века город был столицей Великого княжества Познаньского, которое входило в состав Пруссии (Германии). В 1919 году, в январе, Познань вернулась в состав Польши из-за чего численность немцев резко начала сокращаться. Издавна в Познани жили бок о бок поляки и немцы. Поляки говорили преимущественно на польском языке, но и немецкий язык многие знали, были двуязычными. Немало

было и смешанных браков между поляками и немцами, чаще немцы женились на польках. С моими родителями был как раз тот самый случай, хотя отношения между немцами и поляками были весьма напряженные. Поскольку Вильгельм сам был полукровкой, немецко-польских кровей, то к Марии относился лояльно. Вероятно, что у Вильгельма также были Норвежские корни, о чем говорит фамилия Локке. Поскольку Польша не раз терпела передел, то все было весьма запутанно и сплетено в один тугий узел. Каких только кровей во мне намешано не было:

немецкие, норвежские, польские и конечно же русские!

В 1922 году был основан СССР и наконец наступил долгожданный мир, гражданская война в России тоже закончилась. Россия могла бы быть среди победителей, но ее там не оказалось. Германия же так или иначе явилась проигравшей стороной подписав позорный «Версальский договор», лишилась части своих территорий, вынуждена была выплачивать огромные репарации, а также ей запрещалось иметь свою армию. Население некогда сытой и благополучной страны стремительно нищало, выросла безработица, многих людей одолевала депрессия. Так продолжалось вплоть до 30-х годов.

Но вернемся к основной истории, ее главным героям... Меня оставили у бабушки с дедушкой, и они занялись моим воспитанием. Дед мой потихоньку занимался торговлей, ездил за товаром в Краков, Варшаву, продавал товары на местном рынке. Когда дед уезжал, я ждал его с нетерпением,

предвкушая с огромным любопытством, какие гостинцы он мне привезет. Едва завидев деда, я бежал на встречу и кидался ему на шею.

– Дидку приехал! Деда!

– А-а-а-а! Иванко! Ах ты неслушный! Как себя вел? Хорошо? Сейчас я бабушку спрошу. Анна, как себя вел Иванко? Не проказничал?

– Нет!

– Слушался меня. – отвечала бабушка.

– Тогда бери сладости! – говорил дед. – Да ты не все сразу! А то зубы испортишь! Много сладостей нельзя!

К обеду, помощница наша, Францишка накрывала на стол, и мы садились все вместе.

– Ян, как съездил в Варшаву? «Что привез?» – спросила бабушка Анна.

– Обувь привез, одежду, продуктов. Потом разберем все, посмотрим. Завтра в магазине весь товар разложим.

– Иван, ты почему суп не ешь? – бабушка Анна обратилась ко мне.

– Не хочу. – ковырял я ложкой в тарелке – Картошку хочу!

– Надо суп есть! – бабушка пыталась настоять на своем.

– Не буду! Там лук! Б-я-я-я... – я состроил гримасу

В конце концов мне положили картошки с мясом. В еде я был привередливым, и, если что-то не хотел, заставить меня съесть было невозможно.

– Разбаловали мы его! – сокрушалась бабка.

– Пусть ест, что ему хочется. Он мой внук единственный пока, и буду его баловать! – дед потрепал меня по голове.

– Скоро еще один внук у нас появится. Мария вот, вот родит.

Сказала потом заберет Иванко к себе, но не скоро, а пока у нас будет. У нас еще в Союзе есть внук. Как я хотела бы его увидеть!

Как там Татьяна? Много писем ей писала, а от нее ни одного письма!

– Не говори мне о ней ничего! Осталась там вместе со своим голодранцем, пусть живет! Достали меня эти Большевики...

– Ян, она твоя дочь!

– Знать о ней ничего не хочу! Пусть живет со своим большевиком, коммунистом!

– Дидку, а кто такие большевики? Почему ты их ругаешь? Они плохие?

– Ешь Иванко! Все тебе надо знать! Потом расскажу. Хуже бандитов, все отняли, ограбили! Из-за них из Одессы уехали, из России.

Наевшись, я выпил чай, схватил кусок пирога и выбежал на улицу во двор.

Большевиков дед конечно же не любил и был к ним настроен весьма враждебно по вполне понятным причинам. Ту же неприязнь к большевикам он внушал и мне. Не ко всем немцам дед был настроен дружелюбно, из-за их пренебре-

жительного отношения к полякам, как к людям второго сорта, но коммунистов считал даже большим злом. Бабушка часто вспоминала свою старшую дочь Татьяну, которая осталась в России и очень переживала, что не было ответа на ее письма, хотя какое-то время она их получала.

Укладывая меня спать, бабушка также как мама рассказывала сказки, читала книги, пела мне песни, гладила по голове. Если польский язык бабушка еще освоила, то немецкий знала плохо, поэтому с бабушкой и дедом я общался исключительно на польском и русском языке. В доме было очень много книг, русской классики, поэтому Пушкина я особенно любил и в 7 лет уже сам читал книги на русском и польском. Поскольку ребенком я был активным и непоседливым, чтобы хоть как-то привить мне дисциплину, дед купил мне аккордеон и нанял преподавателя по музыке. На удивление, занимался я с удовольствием. В школу я также пошел в Польше, в 7 лет и закончил там первый класс. В Познани у меня также были друзья, с которыми я общался, играл и бегал по улице до позднего вечера.

Глава 6

С бабушкой и дедом мне конечно было хорошо, но по маме я очень скучал, и она по мне тоже. Как только сестренка немного подросла, мама решила меня забрать. По началу увидев свою маленькую сестренку я ревновал, поскольку ей доставалось больше внимания.

– Мама, ты меня не любишь, ты любишь Хельгу!

– Сынок, – мама вытирала мне слезы, – не плач! Я тебя тоже очень люблю!

Я крепко обнял маму, и она меня обняла.

– Просто Хельга еще маленькая, поэму ей нужно больше внимания. Скоро сестренка подрастет, и ты будешь с ней играть, вместе вам будет весело. – она улыбнулась.

И правда, когда Хельга подросла, начала хорошо говорить мне стало с ней интересно. Сестренка то и дело бегала за мной как хвостик не отставая ни на шаг, иногда я укладывал ее спать. В дальнейшем с сестрой у меня сложились дружеские отношения. Каждое лето каникулы я проводил у бабушки иногда вместе с ней.

В Германии меня отдали в немецкую народную школу, но учился я в начале с трудом, хорошо понимал немецкую речь, говорил на немецком, но грамматику я не знал и читать хорошо не умел. Отчим, видимо не понимая этого лупил меня за плохие отметки.

Однажды, когда я вернулся из школы он как обычно позвал меня к себе и потребовал показать дневник.

– Рихард, дай мальчику поесть! – возразила мама.

– Я сказал покажи дневник! Быстро!

Я принес дневник и показал его отчиму. Увидев в дневнике оценку «5», он мгновенно разозлился.

– Это что? Почему по немецкому «5»? Ты еще и врешь?

– Я исправлю! Честное слово!

– Ты что? Немецкий уже забыл? – он снял со штанов ремень и сильно меня отлупил.

– Рихард, не надо! Рихард! Не трогай ребенка! – мама пыталась меня защитить, но тот оттолкнул ее.

– Не лезь! Ты все время отправляешь его в Польшу, разговариваешь с ним на русском, он уже и по-немецки разговаривать разучился!

– Ненавижу! Ты не мой отец! Ты не мой отец!

Отчим еще пытался со мной договориться, найти ко мне подход, расположить к себе.

– Если хочешь жить здесь, ты должен меня слушаться и делать все как я скажу. И не вздумай мне пакостить! Ты понял? Ты должен называть меня отцом, если хочешь, чтобы я хорошо к тебе относился.

Я хотел этому верить, и в первое время действительно было все хорошо. Он прекрасно ко мне относился, занимался со мной, дарил мне подарки, но все это ненадолго.

Высшей оценкой в немецкой школе была «1», а «5» считалась низшей оценкой. В дальнейшем, конечно, немецкий я подтянул и закончил школу с высшими баллами. У меня была отличная память и учеба давалась мне относительно легко.

Теперь еще немного истории. К 30-м годам Германия стала вновь подниматься, слегка оживилась экономика, стране разрешили иметь свою армию, а на репарации смотрели сквозь пальцы. В целом, в стране был традиционный уклад

семьи. Работали в основном мужчины, а женщины сидели дома, вели хозяйство и занимались детьми. Для женщин, как говорили немцы, существовало правило трех «К»: Kirche, Kinder, Küche (церковь, дети, кухня). Каждая добропорядочная немка должна быть отличной домохозяйкой. Разводы были не приняты среди немцев и как правило не одобрялись. Лупить детей ремнем и наказывать даже в школах не считалось зазорным. И раньше было такое, что ко всем другим нациям немцы относились несколько предвзято, считали ниже себя. С некоторой неприязнью немцы относились и к полякам, считали их нечистоплотными, неряшливыми, ленивыми, не совсем образованными, но живя в Польше я прекрасно видел, что это не так! Очень многие поляки знали немецкий язык, особенно в приграничных районах или смежных территориях, где жили бок о бок. Что касается определенных правил и норм поведения, оформления документов, то здесь немцы были весьма педантичны – и это правда! Если что-то немцы делали, строили – то все же это было на совесть. Можно отметить и пунктуальность, опаздывать куда-либо считалось дурным тоном. Даже небольшие немецкие деревеньки были достаточно чистыми и ухоженными.

В 33-м году, казалось бы, в результате законных выборов, к власти в Германии пришел Гитлер, устроив провокацию с поджогом Рейхстага и уничтожив всю оппозицию, я тогда был еще ребенком и не сильно в это вникал, мне было всего тринадцать. Постепенно в школе нам начали насаждать

националистические идеи, говорили, что немцы особая нация и выдавали все это за патриотизм. Организация «Гитлерюгенд», образовалась еще в 26-м году, по началу вступление в нее было исключительно добровольным, ее даже пытались запретить, считая незаконной и экстремистской, лишь с 39-го года вступление в эту молодежную организацию стало обязательным. Поскольку я был старше и окончил школу раньше, то в «Гитлерюгенде» я конечно не состоял.

Глава 7

Окончив 9 классов, немецкую народную школу, в 36-м году я без труда поступил в Берлинский Университет на факультет журналистики и иностранных языков. Уже в Университете я изучал французский.

Оторвавшись от матери, я впервые окунулся во взрослую, свободную жизнь, меня никто не контролировал! В Берлине, впервые с друзьями я попробовал пиво, стал обращать внимание на девочек, хотя завести с ними отношения все еще не решался. Мы с друзьями снимали небольшую квартиру одну на троих, четверых, поскольку мест в общежитиях не хватало, а одному платить за жилье было дорого. Быт был вполне устроен, небольшая плита и даже маленький холодильник! Белье мы стирали в прачечной или дома, завтракали обычно в квартире, готовили сами (кофе, бутерброды), обедали в университетской столовой (платили деньги), а ужинать ходили в кафе или пивную, пиво было разрешено

в Германии с 16-ти лет, а более крепкие напитки только с 18-ти!

Домой я ездил раз или два в месяц, на выходные, или во время студенческих каникул на Рождество. Все же Берлин мне нравился! В городе были театры, кино, развлекательные заведения, пабы... Народу было много и жизнь была ключом! Конечно, больше всего я был рад тому, что почти не видел своего отчима!

Уже в 36-м году иногда, то и дело мы видели отряды штурмовиков, которые маршировали по улицам, а также отряды молодежи в коричневых рубашках со свастикой. Некоторые из студентов становились сторонниками Гитлера и вступали в национал-социалистическую партию, мне тоже предлагали, но я к этому особого интереса не проявлял. Зато с удовольствием ходил в кино, пивные и разные увеселительные заведения. И музыку, и театры и кинематограф я обожал!

Марлен Дитрих была моей любимой актрисой! Но с 35-го года она уехала в США, в Голливуд и снималась там, в Германию приезжала все реже, время от времени. Последний раз побывала на Родине ранней весной, в 37-м году, повидаться со своими родными. Каким чудом мне удалось взять у нее интервью, я и сам не знаю!

После обучения на первом курсе, в марте, нас впервые отправили на практику, почти на два месяца и меня закрепили за редакцией одной из берлинских газет. Редактор посмотрел на меня с оценивающим и с некоторым любопытством.

– Как я понимаю вы к нам на стажировку молодой человек?

– Да, мне необходима практика, меня к вам послали из Берлинского Университета.

– Я осведомлен, ваш преподаватель договаривался со мной по поводу практики. Как вас зовут?

– Локке, Иоганн Вильгельм.

– Питер Вагнер, главный редактор. – протянул мне руку.
– Будем знакомы. Ну посмотрим на что вы способны! Для начала попробуйте взять интервью у какой-нибудь актрисы театра к примеру... а там посмотрим. Можете сами проявить инициативу, найти какую-либо тему, написать статью. Действуйте!

– Отлично!

Совсем недавно, я случайно узнал, что Марлен Дитрих приехала в Германию. Ну не может же быть, чтобы она не дала ни одного выступления! Я хотел достать билет, но его уже не было! Что делать? На концерт мне никак не попасть! Место, где остановилась Марлен держалось в строжайшем секрете и в Германии она должна была находиться не более пяти дней. В театре я дождался пока закончится выступление, люди начали выходить и толпились в холле, кто-то заходил на следующий сеанс. Вместе со мной за компанию рядом был один из приятелей, с которым мы вместе снимали квартиру.

– Спорим, я возьму у нее интервью?

– Тебя не пустят в гримерку! Смотри сколько людей, там же охрана!

– Вот увидишь!

Я нырнул в толпу народа, едва ли не расталкивая попавшихся на пути локтями, от чего меня недовольные посетители несколько раз осадили и мне пришлось извиняться. В буфете я взял бутылку дорого французского вина – делать нечего, пришлось разориться! Но билет ведь я не купил, и заначка у меня еще была! Ну подумаешь, не схожу в пивную, как-нибудь обойдусь! Если повезет, то за статью в редакции мне должны были заплатить. У гримерки меня остановил охранник, довольно здоровенный мужчина в кожаном черном плаще.

– Молодой человек! Стойте! Сюда нельзя!

– Я из обслуживающего персонала, меня просили принести госпоже вина.

– Хорошо, пройдите...

Заглянув в гримерку, я увидел Марлен. Она сидела перед зеркалом, в красной шелковой накидке, вроде халата, надетой поверх платья, а белокурые волосы были забраны какой-то блестящей заколкой. На губах ярко-красная помада и широко раскрытые голубые глаза с распахнутыми ресницами смотрели на меня несколько возмущенно.

На мгновенье я оторопел!

– Простите, меня просили доставить вам бутылочку французского вина.

– Я не просила.

– Это подарок, от одного из ваших поклонников.

– Подарок? Хорошо, поставьте его на столик. Интересно от кого?

– Он не представился. У вас столько поклонников, что невозможно сосчитать! Должен признаться, я в их числе. Если можно, разрешите взять у вас интервью, для немецкой газеты.

– Журналист? Молодой человек, вы нахал! Но учитывая вашу настойчивость... Хорошо... – она усмехнулась и возмущение в ее голосе сменилось на снисходительный тон, наверное, потому что увидела перед собой совсем еще мальчишку, молодого, но смелого и дерзкого.

– Можно задать вам несколько вопросов?

– Задавайте...

– Каковы ваши планы? Вы собираетесь остаться в Европе или планируете вернуться в Соединенные Штаты?

– Да, я уезжаю в штаты!

– Это правда, что вам поступало предложение от немецкого

правительства сниматься в фильмах у себя на Родине?

– Да, это верно! И не одно...

– Вы согласились?

– Нет!

– Почему?

– Эти предложения немецкого правительства меня не

устраивают! То, что происходит в стране, противоречит моим убеждениям...

– А может, останетесь в Германии?

– Ни за что! Это исключено! – Марлен ответила категорично.

– Вы навсегда решили уехать из Германии?

– Возможно...

Беседа длилась минут пятнадцать, но я бы впечатлен! Марлен была просто блистательна!

Когда принес статью в редакцию, редактор был доволен и даже в определенной степени удивлен!

– Хм... Интервью Марлен Дитрих опубликую обязательно! Отлично! Ваши статьи, касающаяся критики театральной постановки, а также светских новостей и сплетен заслуживает внимания. Должен сказать, что это у вас неплохо получается! И все же как вам удалось взять интервью у известной актрисы?

– Должен сказать, что это было нелегко! Мне пришлось кое-чем пожертвовать! Но думаю, оно того стоит!

– У вас талант! Есть все качества, чтобы стать отличным журналистом!

– Спасибо!

– Очень жаль, что Марлен отказалась от предложения остаться в Германии!

Все чаще в Германии преследовали евреев и иметь с ними какие-либо отношения считалось зазорным, дурным тоном. Пропаганда антисемитизма велась во всех СМИ, в газетах, на радио – везде, где только можно! Рисовались карикатуры, вешались плакаты, а в некоторых заведениях весели объявления – «Евреям вход воспрещен» или «Вход евреям не желателен!». Не скажу, что кто-то из евреев был моим близким другом, но несколько знакомых, приятелей были, одного из них потом отчислили из Университета по доносу, так и не дав ему доучиться. Позже его с родственниками депортировали в Польшу и поместили в варшавское гетто, я случайно об этом узнал.

Однажды после того, как занятия в Университете закончились, ко мне подошли два приятеля. Конечно же как обычно нам нужно было где-то поужинать! На завтра должен был быть выходной. «Знаю здесь недалеко одно заведение, там отличное пиво и самое главное куча девчонок! Музыка и все такое...» – сказал Франц.

– О-о-о! Отличная идея! – согласился Руди. – Иоганн, ты с нами?

– Конечно! Я вовсе не против пива, сосисок и красивых девчонок!

– Еще бы!

В пивной мы взяли пива, немного закуски, сели за столик и начали озиаться по сторонам... Народу было много и в основном молодежь.

– Смотрите, вон там за столиком девчонки сидят. Вон та, что в синем платье очень хорошенькая! Я бы не прочь познакомиться с этими малышками. – Франц явно обрадовался.

– Так давай подсядем к ним за столик! Я надеюсь, они будут не против нашей компании. – предложил я. – Руди, ты как?

– Я согласен! Та, что в красной блузке – моя!

– Пойдем! – Францу уже не терпелось скорее познакомиться.

Мы подошли к девчонкам. Франц заговорил первым.

– Привет, прекрасные Фройляйн! Вы очаровательны! Можно с вами познакомиться? Надеюсь, вы не будете против нашей компании? Я Франц! Это Руди, Иоганн – он указал на меня.

Девчонки улыбнулись в ответ, переглянулись между собой, хихикнули.

– Лили. – представилась в синем платье.

– Фрида, Фридерика – улыбнулась девушка в красной блузке.

– Габриэла! Можно просто Габи...

– Руди, принеси нам еще пива. – попросил Франц.

– С удовольствием!

Конечно же мы угостили девчонок за наш счет, и они явно были

довольны! Когда заиграла музыка, мы пригласили на танец и мне досталась Лили. Францу оставалось только обли-

зваться и танцевать с Габриэлой! Впрочем, и Габриэла была довольно мила!

Выпив пива, я, конечно, расслабился и отбросил всякое волнение.

В итоге мы хорошо провели время, отлично повеселились, но с пивом я, кажется, немного перебрал!

На утро я проснулся в непривычной обстановке, немного болела голова и хотелось пить. Увидев рядом с собой под одеялом девушку, я удивился и пришел в некоторое замешательство. Последнее, что помнил – это как мы шли по улице и смеялись, остальное все очень смутно.

– Бог мой! Как я здесь оказался? Ничего не помню! Надо же было так напиться! Дурак!

– Привет! Доброе утро! Уже проснулся?

– Надо же было вчера так напиться! Голова... Пить хочу...

Она встала, накинула халат.

– Я сейчас кофе сделаю, приготовлю нам завтрак. Яичницу будешь?

– Лили, у нас вчера что-нибудь было?

– Ты дурак? Совсем ничего не помнишь?

– Я был, пьян, я не помню. Я действительно занимался с тобой этим?

– Не злись... У меня еще с девушкой не было ничего.

– Ты что? В первый раз?? Не может быть! – Лили округлила глаза, удивленно вскинула брови, после этого начала хохотать!

Я был готов со стыда провалиться! Понемногу память возвращалась ко мне. После того как выпили кофе, девица снова затащила меня в постель. Все же, если не пиво, я бы, наверное, так и не решился. Меня терзали сомнения, относительно того, что теперь делать. А вдруг заставит меня жениться после всего этого? Уж как-то быстро все это произошло и готов к этому я конечно не был. Отношения с Лили продлились около года, потом прекратились. Однажды мне сказали, что видели мою девушку с другим. Да и по характеру Лили была, капризной, взбалмошной, легкомысленной, не слишком умной, чересчур ревливой, хотя и красивой. При этом, все же она была веселой, любила шумные компании, выпивки и обожала внимание мужчин. С Лили можно было встретиться, но вот же жена из нее получилась бы не самая приятная!

Глава 9

В Университете мне очень нравилась Инга и я ничего не мог с собой поделаться. Вскоре у нас завязались отношения. В отличие от Лили, Инга Фогель (Ингеборга), была не столько красивой, сколько милой, девушкой скромной, спокойной и хорошо воспитанной. А также она была умной, начитанной, романтичной, несколько наивной доверчивой и ранимой. У Инги были темные волосы с каштановым отливом, большие серо-голубые глаза, с темными, длинными густыми ресницами. Мои ухаживания Инга приняла не сразу и прежде, чем

она согласилась, мне пришлось изрядно постараться, чтобы завоевать ее доверие. Я стал провожать Ингу до дома, мы часто гуляли по улицам Берлина, целовались на скамейке в парке, любовались на Рейн. Инга очень любила кофе, сладкие пирожные, выпечку, конфеты, которые я ей покупал, к спиртным напиткам была равнодушна. После кино, я проводил Ингу домой.

– Проходи...

– А где родители?

– Родителей нет дома, вернутся к вечеру. Хочешь чаю или кофе?

– Инга...

– Что?

– Можно тебя поцеловать?

Немного помолчав, она смущенно ответила мне «Да». Я осторожно притронулся к ее губам и спустя какое-то время желание охватило меня. Когда перешел к нежным ласкам, Инга вдруг меня отстранила.

– Что? Ты боишься?

– Нет, я не готова... Иоганн! Иоганн...

Но сдержаться я уже не мог и под натиском моих поцелуев Инга сдалась. После того как все произошло, девушка вдруг внезапно расплакалась. Я даже испугался подумав, что сделал ей больно или чем-то обидел. Только тогда Инга призналась, что у нее еще никого не было! Я успокоил Ингу и спокойно сказал, что когда-то это должно было произойти, а также, еще раз уверил, что отношусь к ней серьезно и по-настоящему люблю.

– Ты не обманываешь меня?

– Нет! Малыш, я люблю тебя!

Конечно же Ингу я любил и уже не представлял себя без нее!

Увидев однажды меня вместе с другой, Лили разозлилась и устроила настоящий скандал, что едва не стоил мне расставания с Ингой.

– Это она? И ты меня променял на эту... – Ах, ты негодяй!

– Лили отвесила мне пощечину.

Инга была ошарашена!

– Так тебе и надо! – она мне вторую пощечину и убежала, а я бросился ее догонять.

– Инга! Постой, подожди! Прости... У нас с ней все закончено. Я люблю только тебя! Ты мне веришь? Малыш...

Мне долго еще пришлось извиниться и уговаривать Ингу, прежде чем мы померились.

Я по-прежнему жил с товарищами на съёмной квартире, один из них поддавшись всеобщему влиянию вступил НСДАП и начал активно нас агитировать.

– Вы были на собрании национал-социалистической партии? Слышали очередную речь нашего фюрера?

– Нет, мне не до этого... – Руди был занят чтением книги.

– Мне тоже... – ответил я. – Я не лезу в политику. И о чем же говорил наш фюрер? О том, как уничтожить коммунистов и евреев? Об этом мы уже слышали.

– Он говорил о тотальной войне, о том, что она нужна

немецкому народу. Мы завоюем всю Европу! Немцы – это избранная нация, призванная править миром. Мы должны готовиться к этой войне!

Мы должны сделать Германию великой!

– Я думаю, ничего хорошего эта война не принесет. И нечему тут радоваться. – идею войны я особо не поддерживал. Слишком свежи еще были воспоминания о первой мировой, в которой погиб мой дед по отцу и Германия проиграла. Притом, гарантии, что война, которую снова пыталась разжечь Германия закончится чем-то хорошим тоже не было.

– А ты вообще не чистый ариец! В тебе течет польская и русская кровь. Что, не так? Может, ты встанешь на сторону коммунистов или будешь защищать евреев?!

На этот раз этот придурок вывел меня из себя, и мое терпение лопнуло.

– Заткнись!

– Я сдам тебя в гестапо!

– Да пошел ты! Только попробуй! Свинья, я тебе сейчас

морду набью!

– Польский ублюдок!

– Только попробуй его тронуть и увидишь, что будет! – вступился за меня Руди.

– Это же он сдал Эрика Хоффмана, сказал, что он еврей! – сказал Франц.

– А я в этом не сомневаюсь. Это же дерьмо, самое последнее. – добавил Руди, который сам уже хотел набить ему морду.

– Неохота руки пачкать. Но запомни, как был дерьмом, так им и останешься. Ребята плюньте на него, пойдем лучше погуляем! – мне уже порядком надоело.

– А что? Пропустить бокальчик другой хорошего пива, отведать баварских сосисок нам бы не помешало! Я не против! – поддержал мою идею товарищ.

– Тогда пойдем! «Пусть этот зануда остается один или общается с соратниками по партии...» – сказал я, и мы отправились в пивную, так как уже изрядно проголодались.

В марте 38-года Австрия вошла в состав Германии без какого-либо сопротивления и большинство немцев это поддерживали. Если учесть общий рост экономики, уменьшение числа безработицы, общий подъем патриотизма, то все это невероятно сплачивало немецкую нацию, в том числе и геббельсовская пропаганда против общего врага, евреев и большевиков. Конечно же, все это давало дополнительные очки национал-социалистам во главе с Гитлером. Униженные «версальским договором» немцы хотели видеть объединенную и сильную страну, а также взять реванш за поражение в первой мировой войне. Черт бы побрал всю эту политику, но если ты сам ей не интересуешься, то рано или поздно политика достанет тебя сама, чего тогда я еще в полной мере не осознавал.

Вскоре я узнал еще одну новость, то, что Инга беременна, это безусловно меня ошарашило и добавило лишних проблем!

– Что? Нет, этого не может быть!

– Это правда! Я только что была у врача.

– Но я еще не готов стать отцом! Надо закончить учебу и найти хорошую работу.

– Что мне делать?

– Сделай аборт! Инга, я люблю тебя, и у нас еще будут дети, но не сейчас!

– Аборт? Это мой ребенок и мне решать! Я не буду делать аборт!

– Ну и поступай как хочешь...

– Ты трус! Не хочу тебя больше видеть! – она убежала от меня в слезах

– Инга! Инга!

– Оставь меня в покое! Уходи!

– Инг-а-а-а!!! Черт! – ругал я себя в мыслях. – Вот дурак! Сам во всем виноват.

По молодости я был обычным разгильдяем, не вполне отдавал отчет своим поступкам, а также не был готов взять груз ответственности на себя за жену и ребенка – оказалось, что это так!

Дома, мне пришлось рассказать обо всем маме, потому

что как поступить я не знал! Упав на свою кровать, я просто уткнулся в подушку, и даже сестра не могла от меня ничего добиться. Меня мучила совесть, что поступил с Ингой не лучшим образом, поссорился с ней, обидел, и в то же время был страх, что не смогу еще содержать семью, просто не справлюсь!

– Что случилось? – спросила мама. – У тебя неприятности в учебе? Ты не сдал зачет? Тебя отчислили из университета? Иоганн! Не молчи!

– Мама, я не знаю, что делать! Инга...

– Инга? Что с ней? Вы поссорились?

– Инга беременна!

– Беременна? Как это случилось? О чем ты думал?

– Я же сказал, чтобы она сделала аборт, а она меня не слушает!

– Ты сказал ей об этом? Бедная девушка! Неужели ты ее бросишь сейчас? Как ты мог так с ней поступить?!

– Мама, что мне делать?

– Ты мужчина! Ты должен отвечать за свои поступки! Инга тебе поверила, потому что тебя любит! Иоганн, извинись перед ней, попроси прощения. Это твой ребенок и мой внук! Неужели мой сын негодяй! Разве я таким тебя воспитала? Ты делаешь ошибку!

– Мама, прости! Я все понял! Ты права!

Приехав в Берлин, я встретился с Ингой и попросил у нее прощения. Вначале она была категорична и даже не хотела меня слушать.

– Мне не о чем с тобой говорить, уходи!

– Пожалуйста, мне надо об этом тебе сказать, это важно!

– Прости меня, пожалуйста, я виноват. Это наш ребенок, мы будем растить его вместе.

– Поздно... Я не хочу...

– Инга, я был не прав! Прости меня! Выходи за меня замуж!

– Что?

– Я сказал, будь моей женой. Я люблю тебя Инга!

Лили по-прежнему не оставляла попыток возобновить со мной отношения и все еще время от времени меня преследовала, пыталась устроить со мной встречу. Узнав, что я собираюсь жениться, она пришла ко мне на съёмную квартиру.

– Иоганн, мне очень нужно с тобой поговорить! Серьезно!

Руди, оставь нас на время... – обратилась к моему товарищу.

– Хорошо, пойду прогуляюсь... – Руди вышел из комнаты.

– О чем говорить? Я все тебе объяснил, между нами, все кончено...

– Иоганн, ты же знаешь, что я тебя люблю. Я не могу без тебя!

– Я тебе не верю, ты встречалась с другим.

– Да, но у нас ничего не было. Я люблю только тебя!

– Я женюсь...

– На Инге? На этой... Да, что ты в ней нашел?! Ты не можешь так со мной поступить!

– Почему? У нас будет ребенок!

– Ты женишься на ней, потому что она беременна?

– Вовсе нет. Я не люблю тебя, я люблю Ингу!

– А все что было между нами?

– Это ошибка.

– Ошибка? Мерзавец! Ты разбил мне сердце! – Лили дала мне пощечину.

– Лили, прости! Я этого не хотел!

– Негодяй! – она в сердцах хлопнула дверь и вышла.

Глава 10

Вскоре я познакомился с родителями, и Инга представила меня как своего жениха. Поначалу мне было неловко, но и тесть и теща фрау Марта были вполне добропорядочными людьми, и приняли меня в свою семью. После того как мы с Ингой были помолвлены, это было в конце 38-го года, я

переехал к ее родителям. Свадьбу в 39-м году мы сыграли очень скромно и были лишь самые близкие. Мужчинам разрешалось вступать в брак в возрасте с 21-го года, но в исключительных случаях этот критерий мог быть снижен.

Конечно, чтобы прокормить семью я подрабатывал в редакции, писал статьи, занимался переводами. В сентябре состоялся раздел Чехословакии, в результате чего Германии отошла Судетская область, а в ноябре 38-го года по всей Германии прокатились еврейские погромы, которые позднее будут названы «хрустальной ночью». Причиной того явилось убийство немецкого дипломата во Франции Эрнста Эдуарда фон Рата, семнадцатилетним польским евреем Гершелем Гришпаном. Гришпан несколько раз выстрелил в дипломата, ранил его, и тот мог бы выжить, но Гитлер направил к нему своего личного врача Карла Брандта, который перелил ему несовместимую кровь. Вся эта провокация была осуществлена намеренно и 9 ноября 38-го года фон Рат скончался. Уже после войны будет выяснено, что все это было спланировано германскими спецслужбами и возможно между Фон Ратом и Гришпаном была даже некая любовная связь. Гитлер распорядился сразу же закрыть все еврейские газеты и культурные организации.

Члены молодежной организации НСДАП и бойцы штурмовых отрядов, переодетые в гражданскую форму, стали на-

падать на магазины, кафе, принадлежавшие евреям, их квартиры, а также поджигать синагоги. Ни один из магазинов, принадлежащих евреям, не остался целым. Били витрины, товары либо уносили с собой, либо выбрасывали на улицу. Евреев рискнувших выйти из дома, безжалостно избивали на улицах города. То же самое творилось и в других городах Германии. У нас также была уверенность, что часть студентов из нашего университета в этом участвовали, в том числе и Карл Фишер, с которым мы вместе снимали жилье. Все это безумие длилось почти неделю и местами некогда чистый, уютный Берлин было не узнать. Повсюду, во многих районах царил беспорядок, разруха, валялись стекла разбитых витрин. Как мне повезло, что я не был евреем, какая участь бы меня ожидала! Впрочем, даже к полякам относились не особо благожелательно.

Когда я принес в редакцию статью, высказал свое мнение по поводу произошедших событий, то редактор наотрез отказался ее печатать.

– Нет! Эту статью о еврейских погромах я опубликовать не смогу!

– Почему? Я журналист и обязан писать правду. У нас в свободной стране нельзя выражать свое мнение? У нас демократическое – государство!

– Демократическое? Кто вам это сказал? Вы сочувствуете евреям? Осуждаете эти погромы?

– А в чем евреи виноваты? Это жестоко! Громят магазины, жгут синагоги... Я не могу об этом молчать!

– Это реакция на убийство нашего дипломата! Что вы хотели?

– В таком случае это вина одного человека, но все остальные ничего не делали! Почему они должны страдать?

– Ваше мнение расходится с общей идеологией и политикой нашего государства! Цензура это просто не пропустит! Это может для вас плохо закончиться!

– В Германии устраивают погромы, преследуют евреев, уничтожают ценнейшие культурные ценности, сжигают литературу, зарубежных и даже немецких классиков, Пушкина, Толстого, Гегеля и Гете! У нас диктатура?

– Вы смерти моей хотите? У меня жена и двое детей. Мою редакцию закроют, лишив меня последнего куска хлеба вдобавок уничтожат меня и всю мою семью. Неужели вы сами не боитесь? Вас же могут забрать в гестапо. Послушайте, вы

очень смелый и умный молодой человек, но вы еще слишком молоды и наивны. Или вы пишете то, о чем можно писать, излагаете правильную точку зрения, либо я вас просто уволю...

Все, что происходило в Германии, мне определенно не нравилось, но что-либо поделать с этим и выступать открыто я не мог. В университете, нас студентов, подвергали всяческой идеологической обработке, настраивали против евреев, большевиков, и давали рекомендации по поводу написания идеологически правильно выдержанных статей. Приветствовались также различного рода карикатуры, которые всячески высмеивали коммунистов и евреев. Большевиков нам представляли, как отсталых, малообразованных, туповатых крестьян, жестоких и деспотичных варваров под предводительством тирана Сталина, который сажал народ в тюрьмы и лагеря. При этом внушали, что цель большевиков – это завоевание мира и насаждения своего режима, идеологии всем остальным. Стоит ли удивляться тому, что после того, что говорил о большевиках мой дед я легко этому верил? Евреев же обвиняли во всех грехах, каких только можно, представляя их паразитами и грязными свиньями, расово неполноценными, которые должны были быть изгнаны из Германии. Но все же, столь звериной жестокости по отношению к этой нации я толком не понимал.

В добавок ко всему мой отчим также изрядно действовал мне на мозг своей пропагандой, и агитировал вступить в эту самую нацистскую партию. Тем самым, он раздражал меня еще больше и мне хотелось делать ему назло.

Живот у Инги округлился, беременность становилась все заметнее, ребенок начал шевелиться, толкаться и для меня это было каким-то чудом! Я впервые стал осознавать свою ответственность и привыкать к этой мысли, что стану отцом. Мы часто разговаривали, думали кто у нас будет и как мы его назовем. Мне конечно хотелось мальчика, и я хотел назвать его Пауль. Инге хотелось девочку, и мы решили, что назовем ее Эльзой.

Глава 11

До родов оставалось еще две-три недели, когда Инга внезапно почувствовала боли похожие на схватки. Она плакала, а мы с фрау Мартой как могли, успокаивали ее. Боли не прекращались, и мы решили отвезти Ингу в клинику, где ее наблюдал врач. Мою жену сразу же положили на каталку и направили в операционную. Перед этим я успел пожать ей руку, а она последний раз посмотрела на меня. Потянулись долгие часы ожидания, после чего вышел врач, с очень уставшим видом.

– У вас девочка. – сообщил он и опустил глаза.

– А Инга, что с ней?

Врач не в силах был что-либо ответить.

– Отвечайте же! Почему вы молчите?

– Мы сделали все, что могли, у вашей жены было слабое сердце. Самой рожать ей было нельзя, это был единственный шанс. Мы дали ей наркоз, но она его не выдержала.

– Нет! Этого не может быть! Это лучшая клиника! За что мы вам платили такие деньги! Вы же обещали! – со мной случилась истерика, я начал рыдать. Фрау Марта тоже залилась слезами.

То, что у Инги было слабое сердце выяснилось только во время беременности, во второй ее половине. У нее кружилась голова, иногда появлялась одышка, очень часто она уставала и у нее отекали ноги. Срок был уже большой, и врач решил довести беременность до конца, разрешив ее кесаревым сечением. В целом, к абортам в нацистской Германии относились неодобрительно, если это касалось именно немцев.

Ребенка забрали домой, как и хотела Инга, мы назвали де-

вочку Эльзой. Дочка была такой маленькой, что поначалу я боялся брать ее в руки! Материнского молока не хватало, а от искусственных смесей и коровьего молока у ребенка болел живот и мучили колики – это был настоящий кошмар! По ночам я, конечно, не высыпался, но при этом с утра надо было быть в университете вовремя и еще успевать подрабатывать в свободное время. Хорошо, что фрау марта брала на себя многие заботы.

Первого сентября, 1939 года я был дома, у мамы, еще не успел уехать на занятия, решив остаться на выходные. Из сообщения по радио мы узнали, что Германия напала на Польшу – началась вторая мировая война. Не скажу, что это известие меня обрадовало. В Польше остались родственники, и я за них переживал, а мама боялась за брата и за меня.

– Что случилось? Что происходит? Ты слышал? – мама явно была встревожена.

– Мама, немцы в Польшу вошли – это война.

– Война? Господи! Там мой брат! Что с ним будет?

– А если меня в армию заберут? Что делать?

– Не знаю сынок. Мне некуда тебя спрятать, теперь даже

в Польшу нам не сбежать. – не выдержав, мама заплакала.

– Мама не плачь, может все еще обойдется. Он учится еще не закончил, ему же еще не исполнилось двадцать. – моя сестра попыталась ее успокоить.

– Говорят, в Берлине есть еще коммунисты, в Польше наверняка ополчение соберут.

– Ты погибнуть хочешь? Упекут же в гестапо, отчим первый тебя продаст. Ради Бога, не связывайся ты с ним!

– Где он?

– Не знаю, с утра куда-то ушел. На работу, сегодня пятница.

– Мама, я послезавтра в Берлин, на занятия надо, да и дочку свою не видел. Инга умерла, а я про нее забываю.

– Только будь осторожен, я очень тебя прошу! Не связывайся ни с кем!

– Хорошо, не буду. Честное слово! – пообещал я.

Вскоре, 17 сентября в Польшу вошли и советские войска.

То, что Польша была оккупирована и разделена, определенно мне никакой радости не доставляло. Успокаивало только одно, что в районе оккупации советских войск военных действий не велось, все было сделано мирно, под видом не допустить дальнейшего продолжения конфликта, а также защитить население западной Украины и Белоруссии. Ранее, 23 августа 39-го между Германией и СССР был заключен мирный договор, пакт Молотова-Риббентропа, что все же вселяло определенную надежду, но слухи о том, что война между СССР и Германией может начаться все же ходили. Опасаясь за безопасность северных границ, в Районе финского залива и Ленинграда, Советское правительство объявило войну Финляндии, поскольку та отказалась добровольно отодвинуть свои границы.

9 апреля 40-го года Германия вторглась в Данию и Норвегию, 10 мая оккупировала Бельгию. 14 июня германские войска без боя взяли Париж, а 22 июня Франция капитулировала. До вторжения на территорию СССР оставался еще год. Не успел еще закончиться первый передел мира, как начался следующий.

Если раньше призыв в немецкую армию был добровольным, то с 16 марта 35-года, он был уже обязательным, была введена всеобщая воинская обязанность. Призывались лица начиная с 20-ти лет, а срок службы составлял 2 года.

В 40-м году я должен был окончить университет и мне предстояло сдать заключительные экзамены. Уже в июле, незадолго до октября месяца я должен был явиться на призывной пункт и пройти врачебную комиссию, о чем на адрес по месту моего проживания было выслано соответствующее уведомление. Проходить ту самую комиссию я, конечно, не очень-то торопился. Отчим же к тому времени перешёл работать в гестапо (в отдел политической полиции), где занимался именно всеми инакомыслящими и неугодными нацистскому режиму. Зная это, до определенного времени, я предпочитал с ним не связываться и особо ему не перечить. Вначале, пока работал криминальным следователем, до того, как к власти пришел Гитлер, к моей матери он относился довольно терпимо. Но чем дальше, тем хуже. Рихард все чаще стал выпивать и до нас доходили слухи, что у него есть любовницы. Мама была для него всего лишь прислугой, которая должна была выполнять каждую его прихоть, а он предъявлял претензии по каждому поводу, и терпел исключительно ради дочери.

Чтобы как следует подготовиться к выпускным экзаменам, я, конечно, приехал домой, поскольку с Эльзой я даже выспаться не мог и изрядно уставал. Мне не очень хотелось видеть Рихарда, но из двух зол приходилось выбирать меньшее.

Прямо с утра, я разложил книги стопками и начал читать. До обеда еще оставалось какое-то время, и взяв со стола аппетитное, сочное яблочко я смачно его надкусил. За усердным занятием, решив, почитать один из конспектов, я почему-то не мог его найти. В комнату зашла мама...

– Ты конспекты мои не видела? – спросил я ее. – Куда я их дел? А, вот они! Вот растеряха!

Мама смотрела на меня с каким-то умилением и восхищением, не отводя глаз, при этом улыbnулась. Видимо моя фраза ее насмешила.

– Какой ты у меня уже взрослый! Ты бы поел что-нибудь?

– Потом... не хочу... Заниматься надо. – ответил я ей.

Тут домой на обед заявился Рихард. Скинув обувь, он крикнул прямо с порога: «Я есть хочу, голодный как волк.» – зашел ко мне в комнату и застав меня конспектами. Мама уже суежилась и торопливо накрывала на стол.

– Что? Учишь студент?

Я поднял глаза и молча окинул его презрительным взгля-

дом продолжил читать.

– Ты чего молчишь? Я тебя спрашиваю? Отвечай!

– Не видишь, я занят. Экзамены скоро. – ответил ему, не отрываясь от записей.

Отчим повернул мою голову, поднял вверх подбородок, похлопал по щекам и уселся за стол. Хельга тоже садилась за обед.

– Папа, у брата экзамены!

– Рихард, не видишь, он учит? Не трогай его.

– А ты молчи! Тебя никто не спрашивал! Скажи еще спасибо, что на улицу не выкинул и кормлю тебя вместе с твоим щенком! – нагрубив жене, он оттолкнул ее, демонстративно отставил тарелку, хлопнул дверью и вышел вон.

– Слава Богу, ушел! Тупой жандарм! Сволочь нацистская!
– зло процедил я сквозь зубы. – Если мог бы – убил!

– Что ты сынок! Не надо, всех убьют! – с каким отчаянием сказала мне мама.

Мы уже легли спать, как поздно вечером раздался стук в дверь, да такой, что та едва не слетела с петель! Я проснулся, а мама включила свет, и накинув халат пошла открывать.

– Кто там?

– Открывай! – слышалось снаружи.

– Это отчим пьяный напился, того гляди, дверь выбьет! Опять этот Рихард! Господи помоги! Когда же ты отстанешь от мамы? Шел бы на войну, там тебя и прибили бы! – сказал я, вскочив с постели, на ходу натягивая штаны.

– Открывай!

В дом ввалился Рихард, пьяный в хлам, ее ворочая языком.

– Опять пьяный? Сколько можно?

– Молчи, польская шлюха! Еще раз вякнешь, я тебя и ублюдка твоего зашибу, ничего мне за это не будет! – он оттолкнул мою маму.

– Мама! Отстань от нее свинья!

– Ты что-то сказал? – он еле ворочал языком от выпитого спиртного.

– Отстань от нее! – я пытался его оттащить.

– Ах, ты щенок! Ублюдок!

Этого я уже не выдержал и схватил его за грудки.

– Еще раз тронешь ее – убью!

– Иоганн, сынок, не трогай его! Не связывайся с ним, я же тебя просила!

Завязалась драка, мама кинулась нас разнимать. Еще немного, и я бы, наверное, его задушил!

– Мразь, тьфу! Ненавижу! – плюнул в лицо и повернулся к нему спиной. Вдруг услышал, как сзади раздался выстрел, пуля разбила стекло и осколки со звоном посыпались на пол. Благо, что все это было летом! Рядом стояла насмерть перепуганная сестренка, бледная и плакала навзрыд.

– Папа, не надо. Уходи, пожалуйста. – она едва выговорила заикаясь.

Рихард встал, и еще раз окинув нас взглядом, вышел из дома.

Оказалось, что отчим целился в меня, но мама успела его вовремя толкнуть. Учитывая то, что он был изрядно пьян, то конечно же промахнулся.

Глава 12

Утром, едва рассвело снова раздался стук в дверь. Мама, не спавшая почти всю ночь, уснувшая только под утро, пошла открывать.

– Кто там?

– Полиция, гестапо! Откройте!

Дверь выбили ногой, и гестаповцы ввалились в дом, двое солдат с одним офицером.

– Где сын? – незваные гости ворвались в мою комнату, стянули одеяло и буквально вытащили из постели.

– Я никуда не пойду! – меня схватили за волосы и пытались вытащить из комнаты, но увидев, что я без брюк, в одних подштанниках заставили одеться.

– Пойдешь, куда ты денешься?! Германии солдаты нужны, а ты отсиживаешься дома?! Долг не хочешь свой выполнять? Немец ты или польская сволочь?!

– Пустите его, умоляю! Не забирайте у меня сына! Хельга, доченька, что же это такое? – мама заплакала.

– Мамочка! Не плачь, мамочка! – Хельга пыталась успо-

коить маму.

– Пустите меня! Пустите! – меня взяли под руки и вытолкали за дверь, после чего усадили в машину и доставили в отделение.

Явиться на призывной пункт, для прохождения медкомиссии в назначенное время я не успел, поскольку был еще в Берлине. Отчиму же сказал, что мне сначала надо сдать экзамены, но тот обвинил меня в том, что я пытаюсь уклоняться от призыва.

В отделении меня тщательно допросили и заставили подписать протокол, выбивали признания, после чего отправили в берлинское гестапо. Рихард сказал, что я журналист, неблагонадежный элемент и сочувствую коммунистам и евреям.

В берлинском гестапо меня сперва поместили в общую камеру следственного изолятора, где было достаточно много народу. На следующий день за мной зашел надзиратель.

– Локке кто? Ты? – указал на меня. – Пойдешь со мной.

Мы прошли по длинному, темному, узкому коридору, дверь открылась, и меня завели в кабинет. От резкого яркого света я зажмурил глаза. Передо мной стоял офицер, в чине майора, штурмбанфюрер «СС», худошавый в очках. Для начала он добродушно улыбнулся и заговорил со мной приветливым тоном.

– Доброе утро!

«Какое оно к черту доброе» – подумал я про себя, и молча поднял на него глаза.

– Садитесь. – мне придвинули стул. – Мы всего лишь хотим побеседовать с вами. Вы же не глупый молодой человек. Сколько иностранных языков вы знаете? Вы хорошо учились, мы наслышаны о Вас. Вы хотели стать журналистом? Какие статьи вы хотели писать и о чем?

– О птичках. – ответил я безразличным, презрительным тоном.

– О птичках? Забавно! – усмехнулся следователь. – Вы юный натуралист?

Также добродушно улыбаясь, он неспеша подошел ко мне, повернулся спиной и неожиданно развернувшись, вдруг резко ударил меня по лицу со всего маху. Больше я ничего не помнил, очевидно упал со стула и ударился головой. Очнувшись от того, что мне в лицо плескали водой. Меня подняли с пола и усадили на стул. Из носа текла кровь, и чтобы ее остановить мне дали какой-то платок.

– Вы что, думаете, мы будем шутить? Вчера вы напали на своего отца, доблестного офицера «СС». Вы коммунист? Отвечайте!

– Я студент, у меня скоро последние экзамены...

– Для вас этот день может стать последним. Вы отказываетесь выполнять свой долг перед Отечеством?! Вам должно быть стыдно. В то время как страна воюет, вы прохлаждаетесь дома. У нас обязательная воинская повинность для юношей достигших 20-ти лет. Вы не хотите служить великой Германии? Каждый порядочный гражданин счел бы это за

честь! У нас есть сведения, что вы по повестке не являлись на призывной пункт и отказываетесь пройти медкомиссию.

– Я не отказывался! Меня не было дома, я был в Берлине и о повестке не знал!

– Вы врете!

– Нет! Это правда!

– Что ж, вы еще можете подумать над своим поведением. Уведите его! – он окликнул охранника и шепнул надзирателю – Поддайте ему, только осторожно, сильно не надо, он еще здоровым нужен, пока... Может еще одумается. Заодно, проведите ему экскурсию и покажите, что мы делаем с коммунистами и евреями.

Поместив в одиночную камеру, меня слегка отпинали, а на следующий день доставили в одну из тюрем в центре Берлина. Там мне наглядно показали, где и как содержат всех неугодных и несогласных с действующим режимом. Пожилого мужчину, лет пятидесяти, предположительно еврея, жестоко избили прямо у меня на глазах. Я с трудом мог это выдержать, и пытался отвернуться.

– Смотри! Смотри! Ты видишь, что с тобой будет? Видишь?! Смотри! Запомни!

Меня завели в соседнюю камеру, снова как следует отпинали ногами, закрыли и ушли. На следующий день я был доставлен к тому же следователю.

– Ну что? Вы хорошо подумали? У Вас было время. Сознавайтесь, вы коммунист?

– Нет.

– Пойдете в Вермахт?

– А если я не соглашусь?

– Вас расстреляют за неподчинение властям или отправят концлагерь, за трусость и большевистскую пропаганду, сочувствие коммунистам и евреям.

– Что за чушь?

– Вы видели, что мы делаем с евреями и коммунистами? Вас ждет та же участь! Возможно, вашу мать тоже... Вы думаете мы не знаем, что у Вас по бабушке и матери русские корни? Ваш дед поляк и вы имеете родственников в Советском Союзе. Ваша тетя живет в Одессе, ее муж офицер Красной Армии! Вы будете это отрицать?! Вы хотите, чтобы мы привели сюда вашу мать? Благодарите вашего отчима, что он оказался к вам добр и любит вас как родного сына, хотя мы обычно не церемонимся. Мы решили дать вам шанс, за что вы должны быть нам благодарны. Учтите, что в случае вашего отказа, вас расстреляют на глазах у вашей матери. Мы также знаем, что у вас есть дочь и то, где она находится.

– Хорошо, я согласен.

– Кто бы сомневался, не таких обламывали.

– Только разрешите мне сдать экзамены! Я вас очень прошу!

– Хорошо. Как только сдадите экзамены вы незамедлительно должны явиться на призывной пункт, по любому месту вашего проживания и пройти медкомиссию до 1 октяб-

ря. Возможно, нам скоро будет нужно ваше знание русского. Вы хорошо знаете русский язык?

– Да.

– Вот и отлично! Думаю, мы нашли общий язык. Вы можете быть свободны, вас отпускают домой.

Глава 13

После того, как меня освободили, я еще какое-то время восстанавливался, после избиения на теле остались синяки и ссадины. Слава Богу, что очень сильно меня не покалечили, очевидно не хотели основательно подорвать мое здоровье, поскольку пойти на службу я тогда бы не смог. На один из экзаменов я едва не опоздал, но все же в итоге сдал.

После сдачи экзаменов мне надлежало явиться на призывной пункт, для прохождения медкомиссии. Конечно же я дал объяснение по прошлой неявке, причину сочли уважительной и назначили время на другой срок. Когда вернулся домой мама меня не узнала, я был бледный, уставший и резко осунувшийся.

– Мама, меня забирают в Вермахт. Ты скрывала повестки?

– Тебя не было дома.

– Я не хочу идти в армию, но если не пойду, меня убьют здесь в гестапо, сделают тоже самое, что с коммунистами и евреями. Надеюсь, войны с Союзом не будет и все обойдется, наш фюрер не совсем сумасшедший.

– Дай Бог сынок!

На призывном пункте собралось немало молодых ребят, таких же как я, заходили по очереди.

– Ваши документы?

– Проходите, раздевайтесь за ширмой... – Трусы тоже снимайте. – сказал врач.

Меня осмотрели с ног до головы, измерили рост, он составлял 172 см, вес – 63 кг.

– Наследственные заболевания есть? Травмы были?

– Нет.

– Чем в детстве болели? Корь, краснуха, ветрянка?

– Нет, ничем не болел. Простуда была.

– Гепатит?

– Нет...

Врач заполнил журнал и мою медицинскую карту.

– Здоров! Годен к службе. Одевайтесь, подходите к Майору...

– Вам присылали повестку, почему не пришли раньше?

Уклонялись от призыва на военную службу?

– Я студент, я учился, сдавал экзамены.

– Где учились?

– В Берлинском Университете.

– По какой специальности?

– факультет журналистики и иностранных языков, международных отношений.

– Какими иностранными языками владеете?

– Польский, русский, французский.

– Семья есть? Жена, дети?

– Жены нет, есть ребенок – дочь.

– Хорошо. Где желаете служить? В каких войсках?

– Не знаю.

– Пока в учебную часть, в пехоту...

Первого октября, как и положено я явился на призывной пункт, вместе с вещами. Много брать нам не полагалось, только предметы ухода и личной гигиены, остальное нам все должны были выдать, вплоть до нижнего белья. В учебной части с общей боевой и строевой подготовкой я провел 6 месяцев, позже меня определили в разведшколу под Цоссеном, где готовили армейскую дивизионную и полковую разведку, унтер-офицеров, младший командный состав. В разведшколе я провел еще почти четыре месяца. Я даже представить себе не мог куда я попал! Жили мы в деревянных казармах, в спартанских условиях. Нас гоняли как скот! Сплошная муштра и жесткая дисциплина! Все время учеба и занятия по строевой и боевой, физической подготовке, рукопашному бою, ориентации на местности, маскировке и прочее... Изнурительные марш-броски по 10 км. Последний месяц, основы командования и обязанности младшего офицера. Ни минуты свободного времени! Личное время – всего один час, за час до отбоя. Подъем в шесть часов, перекличка, и так каждый день!

В разведшколе я узнал, что началась война с Советским Союзом. Нас построили на плацу в 7.30 утра и офицер зачи-

тал объявление:

– Сегодня, ровно в четыре часа утра, наши войска вторглись на территорию СССР и подвергли его массированной атаке и бомбардировке. Это будет молниеносная война, которая закончится нашей победой. Дни Красной Армии сочтены! Мы очистим мир от этой большевистской заразы! Хай Гитлер!

– Зиг хайль! Зиг хайль! Зиг хайль! – доносилось в ответ, громогласно и четко, отдаваясь гулким эхом, так что закладывало в ушах, перебивая солдатские луженые глотки. Мне пришлось орать вместе со всеми.

Не сказать, что данное известие меня обрадовало. Хоть мне и внушали ненависть к большевикам, забивая мозги геббельсовской пропагандой, но воевать мне не очень хотелось. Я прекрасно понимал, что Советский Союз – это огромная страна, с огромными ресурсами, и не факт, что эту войну мы выиграем. Однако нас убеждали, что эта война непременно закончится победой Германии уже через 3-4 месяца и многие мои товарищи в это верили! Эта иллюзия подкреплялась еще и тем, что слишком быстро пала Европа, не оказав почти никакого сопротивления.

После окончания обучения в разведшколе, нам дали небольшое увольнение сроком на неделю, чтобы мы могли еще раз съездить домой и попрощаться со своими родными и близкими. Мама открыла дверь, совершенно, не ожидая меня увидеть и радости ее не было предела, она крепко меня

обняла.

– Сынок!

– Мамочка... Не плачь, не надо...

– Иоганн! – Хельга бросилась мне на шею.

Мама поспешно собрала на стол все, что было, пытаюсь меня угостить чем-нибудь вкусным. Я и правда ничего домашнего уже долгое время не ел.

– Я ненадолго, меня отправляют на фронт. У меня есть три дня, чтобы с вами попрощаться и собрать свои вещи, а потом я уеду в Берлин, мне надо увидеть дочку.

– Тебя отправят Россию, в Союз? – спросила Хельга.

– Да, сестренка... Я не хочу туда ехать, но придется!

– Это война, вдруг тебя убьют? Я боюсь!

– Я не знаю... Все может случиться...

– Я даже думать об этом не хочу! Ешь сынок... Не знаю, когда тебя еще увижу... Гитлер напал на Советский Союз, зачем? У нас был договор о ненападении!

– Я тоже надеялся, что он этого не сделает. Боюсь, ничем хорошим для Германии это не закончится. Россия огромная страна и война там не будет такой как в Европе.

– Неужели Гитлеру мало Европы? Польши, Чехословакии, Франции?

– Похоже он сумасшедший... – вздохнул я.

– Я родилась и жила в России, в Одессе. Я не хочу, чтобы ты воевал с большевиками!

– Я тоже не хочу.

Время прошло очень быстро, отпускать меня не хотели.

– Все мама, я иду...

– Иван, ты пиши! Давай о себе знать!

– Обещаю! – сказал я. – Обязательно напишу!

– Береги себя! – мама снова заплакала.

– Брат, любимый возвращайся! – в глазах сестренки застыли мольба и отчаяние.

Я уже собирался было сделать шаг, как вдруг мама отчаянно вцепилась меня со все силы.

– Иоганн!! Иванко! Мальчик мой, сынок...!

– Отпусти мама... – с трудом отстранил ее от себя.

Я последний раз посмотрел на дом, на маму, на сестру, и дальше уже пошел не оглядываясь. Расставаться было очень тяжело! Я словно чувствовал беду, но все же старался прогнать дурные мысли. Так побыв дома три дня, я собрал еще кое-какие вещи и уехал в Берлин.

Глава 14

В Берлине я снова навестил фрау Марту и своего тестя, провел у них все оставшееся мне время короткого отпуска. Дочка постоянно крутилась возле меня не отходя ни на шаг, ей было два года, и она уже болтала. Ребенок очень напоминал мне Ингу, а бабушка и дед души в ней чаяли – это была их единственная радость, ради которой стоило жить! Расставаться с Эльзой тоже очень не хотелось и тягостное предчувствие снова одолело меня. Настало время прощаться.

– Берегите ее, фрау Марта!

– Не беспокойся сынок, я позабочусь о своей внучке. Не сомневайся в этом. Это самое дорогое, что у меня осталось. Береги себя! Обязательно возвращайся!

– Я постараюсь.

– Надеюсь, что скоро все это закончится и война не будет долгой.

– Я тоже надеюсь на это. Все, я должен идти!

– Пусть хранит тебя Господь!

– Удачи тебе сынок! – пожелал мне тесть.

Поцеловав свою дочь, я обнял родителей и вышел за порог...

Я встретился с приятелем, с которым должен был ехать вместе, он тоже был из Берлина. До поезда оставалось еще три часа, и товарищ предложил мне сходить в одно место.

– Куда? – поинтересовался я.

– У меня есть знакомая гадалка, Фрау Кристина. Ее полгорода знает! Здесь близко.

– Я не хочу. Боюсь, она не скажет ничего хорошего. – и в самом деле, если что-то плохое, лучше не знать. Хоть какая-то надежда! А так будешь все время думать... Да и гадалкам я особо не верил.

– Пойдем! – настаивал Отто и буквально тащил меня за собой.

– Ладно, только ради тебя... – нехотя, я согласился.

Мы свернули в переулок, прошли два квартала, подошли

к дому и постучали в дверь квартиры.

– Кто? – спросил из-за двери женский голос.

– Мы по делу фрау Кристина!

Дверь открыла женщина, лет сорока, на плечи ее был накинута синий платок, в помещении было прохладно, хотя на улице стояла жара.

– Проходите... Обувь снимайте! Знаю, зачем вы сюда пришли – судьбу свою знать хотите, ко мне многие сейчас ходят.

– Добрый день! Фрау Кристина, мы скоро уезжаем на фронт, хотели бы погадать.

– Гадание стоит 50 фенингов, можете больше, если не жалко. Садитесь... – она раскинула карты. – Скажу, что вас ждет молодые люди. Сначала ты. Как звать тебя?

– Отто.

– Задавай свой вопрос.

– Что меня ждет на войне?

– Тебя ждет карьера, быстрый взлет, повышение по службе. Два раза ты будешь ранен, а на третий погибнешь. Будь осторожен! – она осмотрела ладони товарища. – На руке тоже есть знаки...

– Разве все так печально?

– Карты, не врут. Я тоже говорю правду, какой бы он ни была. Мое дело предупредить! Теперь ваша очередь. Ваше имя?

– Иоганн. У меня тот же вопрос, что ждет меня на войне?

– Странная у тебя судьба. Вижу – два раза умрешь.

– Такого не может быть!

– Не знаю, сама не пойму, ты – и не ты, как будто другой человек. Может ранение будет тяжелое, на грани смерти, болезнь... Нелегкие ждут тебя испытания. Девушка... Любовь тебе выпадает какая-то. Эта любовь и спасет, и погубит тебя. Бойся кинжала острого, металла и огня. Дай руку свою... – она осмотрела мою ладонь, осмотрела мои руки. – Да, грозит тебе гибель, будь осторожен! Жаль мне вас парни, молоды вы еще! Все, что смогла вам рассказала, сколько не жалко вам за мою работу...

– Спасибо фрау Кристина!

– Идите с Господом!

Мы расплатились с женщиной, поблагодарили ее и вышли.

– Говорил я тебе не надо ходить, ничего хорошего из этого не выйдет. – сказал я Отто.

На вокзале уже собрались молодые люди, которые отправлялись на фронт. Кого-то провожали родители, кого-то жены, подруги... Мы нашли свою группу, офицера сопровождения и присоединились к ней.

Поезд уже стоял на перроне и до его отправления оставалось 30 минут. За 15 минут до отправления нас распределили по вагонам, и мы отправились в эту далекую и еще совсем неизвестную нам Россию, в Советский Союз. Поезд шел довольно медленно, долго стоял на станциях. Через несколько часов мы были уже в Польше, а затем проехали через Варша-

ву. В поезде мы коротали время за неспешной беседой, весело шутили, рассказывали анекдоты. Кто-то делился своими мыслями, переживаниями, о чем-то личном. Многие высказывали мнение, что война эта не будет очень долгой и продлится от силы всего 3-4 месяца, некоторые даже полагали что два. И только более старшие, в возрасте, имевшие опыт первой мировой, говорили, что все может затянуться, но им не верили.

Глава 15

В конце июля, начале августа я попал на фронт. Утром меня разбудили. Один из приятелей толкнул меня вбок.

– Эй! Мы уже час, как Союзе! – сообщил Пауль.

– Что?

– Мы в Союзе, а ты все спишь...

– А где Отто?

– Веселится с соседями. Ты в окно посмотри! Красота какая!

Я выглянул в окно и та картина, которую я увидел меня поразила!

За окном мелькали деревья, густой лес, необъятные просторы, огромные поля, различные постройки, деревянные избы... Такого я не видел, ни в Германии, ни в Польше! Слишком уж сильно отличался пейзаж от привычного мне ландшафта. Да и изб деревянных я тоже не видел! Нет, я представлял, что Россия – это огромная страна, мне ни раз

рассказывали, но что настолько! В Европе расстояния между населенными пунктами были небольшими, но здесь они казались гигантскими!

– Да, я такого еще не видел! Какая огромная страна!

– Столько земли! Всем хватит? Как думаешь?

– Так нам большевики все и отдали... – я усмехнулся. – Пулю схлопочешь – будет тебе поместье... Похоронить нас на этой земле места точно хватит.

– Ты что говоришь? Да мы до зимы всех этих большевиков разобьем! Вот увидишь! Вермахт сейчас наступает, а Красная Армия бежит! До зимы точно Москву возьмем!

– Я не думаю, что русские плохие солдаты. Драться будут до последнего, просто так ничего не отдадут. Не надо их недооценивать. Эта война может стать для нас очень тяжелой. Россия – это не Франция и не Польша, огромная территория!

Наконец вернулся Отто и увидел, что я проснулся. Он еще раз напомнил, что мы уже в Союзе.

– Знаю. – ответил я.

Пока мы ехали, по дороге нас бомбили. Внезапно мы услышали рев моторов советских бомбардировщиков. Поезд резко набрал скорость пытаясь проскочить отрезок пути на полном ходу, едва не возникла паника.

– Ну, что говорил? Нас уже встречают!

Вскоре, мы остановились мы на какой-то железнодорожной станции в Белоруссии. Эта станция была конечной, и

дальше узкоколейная дорога заканчивалась, поскольку рельсы дальше проложить не успели. В Европе и в Союзе стандарты железнодорожных рельсов разительно отличались, узкоколейный поезд по широкой колее проехать не мог и приходилось все переделывать. На этой станции находился некий сборный, сортировочный пункт, куда прибывали составы с людьми, провизией, техникой, боеприпасами, а дальше уже своим ходом – либо машинами, грузовыми фургонами, либо гужевым транспортом, повозками с лошадьми.

Нас высадили, и сопровождающий офицер передал нас встречающему офицеру. На машинах нас привезли на место и расположили во временных казармах, где накормили и мы смогли отдохнуть. Уже позже за нами должны были приехать новые сопровождающие и распределить в те части, в которые мы направлялись. К тому времени немецкие войска, 28 июня уже заняли Минск.

По распределению, я попал в 258-ю пехотную дивизию, которой на тот момент командовал Генерал Вольдемар Хенрицы, подразделение разведки. В звании младшего фельдфебеля, меня назначили командиром отделения во взводе разведывательной роты 478-го гренадерского полка. Я ознакомился с позициями, которые занимал наш взвод и со своим отделением, человек семь. Поддержку нашей пехоте составляли часть артиллерийского полка и танковый корпус.

Нам поставили задачу захватить один из населенных пунктов, и мы пошли в атаку. Первый населенный пункт мы

захватили достаточно легко, а во втором встретили упорное сопротивление. Русские выставили пулеметный расчет, и несколько артиллерийских орудий, среди нас также были потери, хотя и не столь значительные.

После первого боя меня реально била кондрашка, сильно трясло, стучало в висках, от вида крови и трупов тошнило, тяжелый ком подступал к горлу. Всюду убитые, раненые – зрелище было ужасным! Я еще долго не мог ко всему этому привыкнуть, только со временем чувства мои притупились.

В большинстве населенных пунктов, куда мы вступали в конце июля начале августа, советских частей уже не было, оставались только мирные жители, в основном старики, женщины и дети. Однажды мы зашли в очередное такое белорусское село, оставленное советскими войсками.

– Есть здесь кто-нибудь, спросил я на русском.

Зайдя в хату, мы увидели испуганную девушку, лет 25-ти и девочку лет 3-4х.

– Какая прекрасная Фрау! – восхитился один из наших офицеров. – Спроси, как ее зовут, обратился он ко мне.

– Здравствуйте! Вы хозяйка?

– Да. – ответила девушка, прижимая к себе дочку.

– Как вас зовут?

– Татьяна.

– Ее Татьяна зовут. – пояснил я.

– Скажи ей, что мои солдаты пока ненадолго остановятся у нее на ночь. – попросил офицер. Я перевел и все объяс-

нил девушке, сказал, что меня зовут Иоганн Вильгельм и мы останемся у нее на ночлег, на некоторое время. Хозяйка накрыла на стол, мы добыли спиртного и после подпития, один из моих солдат попытался к ней приставать. Увидев это, я немедленно его осадил.

– Что здесь происходит?

Все тут же примолкли.

– А что я сделал? Я просто хотел с ней развлечься! – ответил ефрейтор.

– Девушку не трогать! Если хоть один вас к ней прикоснется! Вы все поняли?

– Вечно старшие по званию пользуются своим положением... – буркнул Шварц. Тут я взял его за шиворот и хорошенько встряхнул.

– Ты еще будешь спорить со своим командиром?? Вас тут накормили, оставили на ночь, а вы ведете себя как дикари? Вы позорите Вермахт! Только посмейте хоть один нарушить порядок и дисциплину!

Такое свинское поведение моих подчиненных и нарушение дисциплины меня никак не устраивало. Я попытался успокоить девушку и сказал, что пока я здесь с ней ничего не случится.

На следующий же день у нас случилось чрезвычайное происшествие. Десять наших солдат, отдохавших на берегу реки были найдены мертвыми, расстреляны на месте. Все были раздетыми и не успели даже надеть штаны. Очевидно, ка-

кая-то группа красноармейцев решила прорваться из окружения к своим. Позднее, в сарае были найдены убитыми еще двое, один задушен, другой зарезан ножом. Оказалось, что у одной из жительниц прятались двое раненых красноармейцев. Комендант и офицеры были в бешенстве!

– 12 человек и в один день! Куда смотрите? – орал капитан.

– Проклятые русские! Что за народ?! – комендант схватился за голову. – Уничтожить всех! Всех!! Вызвать айнзатц группу! Сжечь эту чертову деревню дотла!

Узнав об этом, я со всех ног бросился к Татьяне. Аж сердце екнуло, у меня у самого дочь! Пропадет не за что красивая девушка вместе с ребенком!

– Уходи, уходи немедленно! – я рассказал ей обо всем, проводил дворами, и она вместе с девочкой скрылась в кустах. Всех, конечно, предупредить я не мог.

Утром услышал шум, лай собак, выглянул в окно и увидел, как местных жителей проводят мимо дома и сгоняют в какой-то сарай на краю села. Сарай оцепили и подожгли. Издалека я наблюдал, как повалил дым, слышал крики, застыл на месте от ужаса, но ничего не мог сделать! Опомнившись, я забежал в хату, упал на кровать, уткнулся в подушку и бесильно рыдал...

Эта картина еще долго стояла у меня перед глазами. Я поверить не мог, что немцы, культурная нация, вполне цивилизованная, превращаются сами в диких варваров и жестоких

убийц. Хотя, чему тут было удивляться? Насмотревшись на еврейские погромы, я должен был это предполагать. В начале, я действительно думал, что борьба идет против большевистского режима, что воевать должны армия с армией, но с этой иллюзией пришлось распрощаться. Видя, то, что творят мои соотечественники мне иногда хотелось застрелиться, наложить на себя руки, но сил на это не хватало.

Сдаться в плен? Но как? Красная Армия отступала. А также, я боялся того праведного гнева, который мог на меня обрушиться. Предать свое отечество и своих товарищей я тоже не считал благовидным поступком. У меня было чувство, что попал в ситуацию, из которой не было выхода. Отправляясь на эту войну, я и представления не имел с чем мне придется столкнуться.

Глава 16

30-го сентября началось наступление на Москву, операция «Тайфун». Поначалу мы продвигались довольно быстро и занимали один населенный пункт за другим. Всюду нам попадались разбитые орудия, техника, тела убитых людей, лошадей. Дома во многих селах были сожжены. На пути встречалось немало гражданского населения, с повозками скрабом. Люди пытались выбраться к своим и найти хоть како-то безопасное место. Часть оставались в своих домах, на оккупированной территории. Всюду был хаос и беспорядок, по дорогам брели колонны советских военнопленных, гряз-

ные, оборванные, голодные, изможденные и уставшие. Вид их был ужасным, и их было так много, что всех их не успевали допрашивать!

Со 2-го по 7-е октября советские войска, были окружены под Брянском и Вязьмой, упорное сопротивление длилось две недели, по 13-е октября. В то же время, со 2 октября пошли дожди, а в ночь на 7-е октября выпал снег, который довольно быстро растаял. Дороги развезло и продвижение немецких войск значительно замедлилось. Обозы вместе с лошадьми, люди, техника попадали в колею и с трудом преодолевали путь, застревали даже танки! Обувь была тяжелой, грязь и вязкую глину невозможно было отодрать от сапог! В связи с плохими дорогами, снабжение наше постепенно ухудшалось, не хватало горючего, боеприпасов, питания. В тылу все активнее действовали партизаны, которые совершали диверсии, подрывали наши склады и железнодорожные рельсы.

В наш блиндаж, где были оборудованы боевые позиции заглянул один из штабных офицеров.

– Кто Локке Иоганн?

– Я г-н обер-лейтенант!

– Хорошо владеете русским?

– Так точно!

– Собирайтесь, пойдете со мной. В штабе срочно нужен переводчик.

Буквально сразу же я приступил к своим обязанностям.

Какое-то время я служил при штабе, мне пришлось допрашивать пленных, работать с документами, заниматься переводами. Работы было очень много!

Я постучался в кабинет своего начальства, чтобы отдать очередные бумаги. Подполковник, командир полка разговаривал с кем-то по телефону.

– Русские? На вашем участке? Откуда? Что за отряд? Не дайте им прорваться из окружения!

Рядом сидел штабной майор и я попытался отдать документы ему.

– Хорошо, оставьте на столе...

– Я могу быть свободен?

– Да, вы свободны...

Через некоторое время подполковник с майором сели в машину и уехали. Я вышел на улицу покурить. Вдруг, откуда ни возьмись раздался гул самолета, советского бомбардировщика. Мгновенно возникла паника, солдаты начали разбегаться кто-куда, я за ними. Тут же рядом находились склады с продовольствием, горючим и боеприпасами. Сзади раздался взрыв. Часть боеприпасов видимо с детонировали, взрывной волной меня приподняло, отбросило в сторону и швырнуло на землю. Когда очнулся, не сразу понял, что произошло. Болела голова, перед глазами все расплывалось, вокруг суетились люди, лежали раненые, убитые, склад был разрушен, здание штаба тоже... Я пытался закричать, но не услышал собственного голоса. Ко мне подбежали санитары, уло-

жили на носилки, доставили в госпиталь.

У меня была контузия, сотрясения головного мозга, ушибы ссадины, но тяжелых повреждений и переломов не было. Меня тошнило, болела голова, слух постепенно начал возвращаться ко мне в течение нескольких дней, было небольшое нарушение зрения. В госпитале я провел полтора месяца до конца ноября, после чего снова вернулся в свою часть. Несмотря на мою просьбу, отпуск мне не дали, сказали, что придется его отложить, в связи со сложившейся обстановкой, хотя награду за ранение я конечно же получил.

В ноябре, грянули сильные морозы, до -20 , которые чередовались с потеплением до -7 , метелями и сильными порывами ветра. В такие дни не летала авиация, ни советская, ни немецкая.

Снабжение наших частей по-прежнему оставляло желать лучшего, питание было скудным, мы получали всего лишь четверть от всего нам необходимого. Все время хотелось есть, от голода подкашивались ноги и не хватало сил. На еду шло все, что только могло пойти и все что можно было найти у местного населения. Нам выдавали лишь сухие пайки, которых не хватало на долгое время, опустошив, наверное, все, что еще оставалось на складах. Ели конину, которая была очень жесткой, ее приходилось долго жевать, а также гороховый суп. Хлеб был черствый, застывал на морозе. Утром кипяток, растворимый кофе, мармелад, сухие галеты, печенье. Нам давали сладкое, углеводы, но жиров катастрофиче-

ски не хватало поэтому замерзали, получали обморожения. Чтобы восполнить дефицит витамина С, заваривали хвою, давали лук, если был.

Не хватало теплой, зимней одежды, ее было крайне мало и в тонких шинелях, мы также промерзали насквозь. Кутались мы во что попало, даже в женские платки из-за чего выглядели как чучела и оборванцы. Сапоги, казалось бы, неплохого качества, достаточно прочные не спасали от холода. Обувь в немецкой армии выдавалась размер в размер, в то время как в Красной Армии это учитывалось и обувь выдавалась на размер больше. Уже потом, мы стали тоже брать обувь большего размера, пихали туда газету и пучки соломы. Красноармейцы, как мы замечали были одеты значительно лучше и теперь уже мы им завидовали! У советских солдат были теплые шинели, ватные куртки, шапки ушанки, перчатки, валенки, у офицеров теплые овчинные полушубки. Если нам вдруг каким-то чудом удавалось достать валенки, то это было огромным счастьем!

Глава 17

Несмотря на то, что наши части были порядком измотаны и уставшие, потеряли значительную часть своей боевой мощи, в конце ноября, начале декабря наше командование готовило еще одну попытку наступления на Москву.

Первого декабря был отдан приказ и после предваритель-

ной подготовки, вместе с танковыми частями наш 2-й батальон, 478-го полка, 258-й ПД, 6-я рота перешли по льду реку Нара и двинулись к Кубенке по направлению к деревне Акулово, шоссе Наро-Фоминск. Встретив под Акулово ожесточенное сопротивление и потеряв более 30-ти танков мы повернули обратно и попытались прорваться на шоссе Минск-Москва через Головеньки. К исходу дня, наш 478-й полк, вместе танковыми частями порядка 30-ти танков, закрепился в районе высоты 210,8, Алабинского полигона. Второго декабря, к 12-ти часам, наши части заняли деревни Юшково, Бурцево, а 3-4-го декабря снова разгорелись ожесточенные бои. На нашем участке прорвалось значительное число советских танков Т-34, которые буквально расстреливали нас в упор. Мы потеряли несколько пулеметных расчетов, а потери нашей роты составили треть от всего состава. Как не пытались офицеры нас сдержать, но солдаты не выдерживали и при появлении советской пехоты за 70-50-м от наших позиций обращались в бегство. В итоге 5-го декабря мы отошли на исходные позиции за реку Нара, откуда и начали свое продвижение. Вторая попытка немецких войск прорваться к Москве на центральном направлении закончилась провалом.

Но это было еще только началом наших дальнейших бедствий. С 5-го декабря началось наступление советских войск по всему фронту. Еще неделю немцы держали оборону, а с

16-го декабря начали отступать. Измотанные в предыдущих боях, мы не в силах были сдержать натиск. Отступали мы по тем же дорогам, по которым ранее шло наступление. Многие деревни и села были сожжены, и укрыться нам было практически негде, ночевать приходилось буквально в лесу. Грелись мы где придется, разводили огонь возле землянок, делали шалаши и ютились в немногих еще уцелевших избах, которые всех разместить не могли. Но даже огонь разводить нужно было с большой осторожностью, так как действовала советская авиация и его могли обнаружить с воздуха. Нередко наутро мы обнаруживали замерзшие тела наших товарищей, ложились спать и просто не просыпались. Притом мы едва не попали в окружение, и наша дивизия потеряла более 60% своего состава, и большая часть из них составляла именно небоевые потери. С пополнением у нас было плохо.

На одном из заданий, мы около двух часов провели неподвижно, наблюдая за советскими позициями, почти на тридцатиградусном морозе и порывистом ветре. Я получил сильное обморожение и едва не остался без пальцев на ногах. У меня был сильный кашель, температура под сорок, тяжело было дышать и думал отдам концы.

Не имея возможность обогреться и высушить одежду я простыл и попал в госпиталь с воспалением легких, где встретил Новый Год и провел почти два месяца. Фронт к то-

му времени стабилизировался и наши части заняли оборону восточнее Вязьмы. Наша дивизия понесла настолько большие потери, что мы могли охранять лишь небольшой участок.

Письма домой я писал, но не очень часто, о чем писать просто не знал. Да и как описать те невыносимые условия, трудности с которыми мы сталкивались? Расстраивать своих близки мне не хотелось, ни маму с сестрой, ни фрау Марту с Клаусом. Но все же писать было необходимо, давать о себе знать, что я жив, поскольку за меня беспокоились.

В Германии, в Штеттине, Мария вместе с Хельгой читали письмо сына: «Здравствуй мама! Нас побили под Москвой и Наро-Фоминском. Мы отступаем. Я живой и сейчас нахожусь в госпитале. Нет, я не ранен, когда ходили в разведку, долго лежали в снегу. Я сильно замерз, обморозил пальцы ног и рук, сильно простыл и заболел воспалением легких. Сейчас выздоравливаю. Как у вас дела? Как живете? Очень скучаю по вам, если отпустят, обязательно приеду в отпуск. Привет, сестренке, фрау Марте, Клаусу, и дочке Эльзе. Я вас всех очень люблю! Ваш Иоганн Вильгельм...»

– Слава Богу живой! – вздохнула с облегчением мать.

– Может еще приедет в отпуск? Хоть ненадолго! Ведь дру-

гих же отпускают. «Я тоже очень скучаю по брату!» – сказала Хельга с надеждой.

Нам приходилось ходить в разведку, захватывать пленных и не всегда это было легко. Однажды, чтобы проникнуть в тыл к русским, мы даже нарядились в советскую форму, одели ее поверх немецкой. На мне была шапка ушанка, валенки и я очень даже походил на советского офицера, в темноте нас просто сложно было отличить. Пятеро из нас должны были пробраться в поселок, занятый русскими, а остальные прятались в ближайшем лесу и должны были прикрывать наш отход, в случае если захватим пленного. В темноте нам удалось проскользнуть, но уже в поселке нас заметила группа советских солдат. Что делать? Нас окликнул сержант.

– Стой! Кто идет?

– Свои! Какого хрена б****?! Не видишь, что ли? Лейтенант Плотников, нам в санчасть...

– Извините товарищ лейтенант, мало ли кто ночью шляется, в темноте не видно, сразу не разберешь...

– Все в порядке.

Услышав родной русский мат, и решив, что перед ним

офицер, выше его по званию, сержант потерял бдительность и даже не потребовал документов! Мы были буквально на волосок от гибели! Когда русские опомнились и бросились за нами в погоню было уже поздно. Мы, захватив в плен советского офицера, скрылись в лесу, и группа прикрытия открыла огонь автоматной очередью.

Наши части очень нуждались в отдыхе, восстановлении сил, пополнении, и нас временно отвели в тыл, в качестве резерва. В это же самое время я случайно познакомился с русской девушкой, Ниной, с которой у меня завязались отношения. Нина работала в немецкой столовой, делала уборку и мыла посуду, поскольку ей как-то надо было выживать и кормить ребенка. Когда девушка возвращалась с работы к ней пристали каких-то двое подвыпивших немецких солдат. Мы с Алексом услышали крики о помощи и кинулись на место происшествия.

– Эй! – окликнул я – Что здесь происходит? Отпустите девушку!

– Тебе что надо?

– Не видишь, перед тобой фельдфебель? Вы нарушаете дисциплину, и я вынужден буду доложить об этом вашему командиру! Вы пьяны как свиньи! Пошли вон отсюда! Дерь-

МО...

Узнав, что все же выше по званию, те двое не стали с нами связываться и вынуждены были убраться. Когда я заговорил с девушкой по-русски, она была немного удивлена.

– Не бойтесь, давайте мы вас проводим. Вы далеко живете?

– Нет, здесь, недалеко. Вы знаете русский?

– Да, у меня мама и бабушка из Одессы... Меня Иоганн зовут.

– Нина. – представилась она.

– Почему вы одна так поздно?

– Я работаю в столовой, возвращалась с работы...

Мы проводили Нину до дома, она познакомила нас со своей мамой и сыном. Нам даже предложили выпить чаю, отчего мы не отказались, немного посидели и ушли.

Через день, вечером, в доме девушки снова раздался стук в дверь, за окном разыгралась метель. Я стоял на пороге весь

в снегу. Мне удалось отпроситься у командира взвода, поскольку офицеров все равно до утра не будет.

– Ты? – она удивилась, но впустила меня в дом. – Замерз? Погода сегодня такая, метель...

– Да, замерз.

Я разделся, подкинул полено, отогрел руки возле печи, после чего поставил на стол мешок. Из мешка я выложил на стол консервы, сахар, маленькую шоколадку в красной обертке, печенье.

– Это мне? – спросила Нина.

– Да, возьми. Сахар, консервы...

– А это что?

– Шоколад для ребенка, кофе.

– Спасибо... – она явно смутилась, посмотрела слегка настороженно, после чего поставила чайник. Мне уже все осточертело, и я просто хотел побыть в домашней обстановке, отдохнуть от своих товарищей и подчиненных, которые меня просто достали. Об отпуске приходилось только мечтать!

Впервые за долгое время мне посчастливилось оказаться в нормальной постели, поэтому после дела я просто обнял девушку и уснул как убитый. С тех пор как умерла Инга, женщины у меня не было, а в боевой обстановке об этом не приходилось даже думать! Утром, еще не успело рассвети, как, как я вскочил, быстро оделся и поспешил в свою часть.

Муж Нины пропал без вести где-то под Вязьмой, и она о нем ничего не знала. Я помогал ей, чем мог и делился своими продуктами, приносил ей кофе, шоколад консервы и сахар. Если я и мог иметь отношение с русской девушкой, то только исключительно по ее согласию. Отношения наши продлились чуть больше месяца, а потом нам пришлось расстаться, поскольку нас перевели в другое место, ближе к передовой.

Глава 18

В августе 42-го года, с одним из офицеров я остановился на постой у одной женщины, учительницы русского языка и литературы. Женщину звали Ольга и детей у нее было двое, девушка-подросток, лет тринадцать, четырнадцать и мальчику было лет пять, шесть. Конечно, Ольга была образована, начитана, воспитана, и в доме было множество книг. И надо сказать, что образованных людей в Союзе было много! Таким образом представление о советских людях, как о невежественных, малограмотных – это всего лишь миф! Очень скоро мы в этом убедились, так как находили в школе мно-

жество учебников и научной литературы. В русских школах изучали иностранные языки, в том числе и немецкий.

По отношению к нам хозяйка вела себя довольно сдержанно, осторожно и старалась в конфликт не вступать. Но как оказалось потом, муж Ольги, не сумевший прорваться к своим из окружения примкнул к одному из партизанских отрядов. Конечно же вначале я об этом не знал. Мы сели с офицером за стол, а мальчик все крутился возле нас и смотрел голодными глазами.

– Митя, иди сюда! Сейчас получишь ремня! Я сказала, не мешайся! – но ребенок явно не слушался. – Валя, забери Митю!

Валентина подошла и оттащила брата, одернув его и дав легкого шлепка. Мать старалась кормить детей отдельно от нас, но парню явно хотелось что-то со стола. Ребенок баловался и Гюнтера это явно раздражало. Днем мы обычно были либо комендатуре, либо в казармах, вместе с солдатами, а вечером приходили на ночлежку.

Гюнтер для того и взял меня, чтобы ему было проще общаться с хозяйкой и в качестве переводчика, иначе ему было бы сложно, так, как русский он знал плохо.

Пока офицер лежал в кровати и отдыхал, сняв сапоги, я успел принести охапку дров и сложил их аккуратно возле печи.

– Воды принести? – спросил я Ольгу.

– Нет, спасибо! Пока еще есть. Вы хорошо говорите на русском, откуда у вас такие знания?

– От мамы и бабушки, они из Одессы, во мне есть русская кровь.

– А-а-а...

– У вас очень много книг! – сказал я, подойдя к книжному шкафу.

– Я учительница, русского языка и литературы.

– Вы работаете в школе?

– Да.

– А я журналист, работал в газете.

– Хорошо.

– У вас есть газеты?

– Есть, старые, я ими печку растапливаю... «Комсомольская Правда», «Известия», «Красная звезда».

– Можно мне посмотреть? – спросил я.

– Смотрите, если хотите! – Ольга пожала плечами.

Просмотрев старые газеты, «Комсомольская правда», за март месяц, я случайно нашел текст песни «Землянка», аккуратно оторвал страницу и спрятал в карман. Мне как-то пришлось ее слышать, поскольку иногда наши приемники случайно ловили, то, что транслировали советские радиостанции.

Вечером, выйдя из дома я вдруг увидел мелькнувшую за сараем фигуру и сначала решил, что мне показалось.

– Т-с-с-с! Тише! – она впихнула мужа в дверь. – Коля, ты с ума сошел! Немцы в доме...

– Сколько?

– Двое, один переводчик, другой офицер, лейтенант. У

нас ночуют пока, остановились на постой.

– Надеюсь, что ненадолго.

– Я тоже надеюсь. Один ещё ничего, Иоганном зовут, он на русском хорошо говорит, другой хуже, офицер, так волком и смотрит! Только корми их, да обстирывай. Господа!

– Тебя хотя бы не трогают? Детей?

– Пока нет.

– Вот тебе записка, Куракину передашь, деду Матвею, скажешь – от меня. Пусть Лопатина не посылает, явка отменяется. Сколько немцев склад охраняет, пусть проследит с Демидовой. Записку потом через тебя передаст, поняла? Еще мне знать надо пароль, когда у них смена меняется.

– Поняла. Все, уходи! Не дай Бог заметят...

Позднее, зайдя в сарай я обнаружил там незнакомого мне мужчину, который направил на меня пистолет и застыл на месте от неожиданности. До этого с партизанами я ни разу не сталкивался.

– Стой! Сейчас выстрелю!

– Вы кто? Что здесь делаете?

– Это мой дом. Что вы здесь делаете?

– Вы муж Ольги?

– Дернешься – убью!

– Выстрел услышат. В доме офицер.

– Черт! – он процедил сквозь зубы. – Сдашь...

– Я не хочу смерти вашей жены и детей. Уходите! Уходите немедленно! Отпустив мужчину, я вернулся в дом. Очевидно, он и сам понял, что убить меня он в данной ситуации не может и это единственный выход, иначе поднялся бы шум и тогда уж точно погубил бы жену и детей. Ольге я все рассказал и предупредил, что в следующий раз, если ее мужа увидит офицер, ничем уже помочь не смогу!

Скоро у нас в тылу партизаны устроили диверсию и подожгли один из складов, вызвало большой переполох. Бог мой! Только этого еще не хватало! Немцы были злые как собаки! Конечно, я боялся, что это опять обернется какими-либо карательными мерами. У меня еще слишком свежи были вос-

поминания, о том, как сожгли ту несчастную деревню в Белоруссии. Жестокое отношение к гражданскому населению вызывало у меня определенное противление. Стоило ли так рисковать? Еще раз скажу, что гибели Ольги с детьми я никак не хотел! Да и других, впрочем, тоже... В то же время я осознавал свое бессилие, что ничем не в силах буду им помочь! Было понятно, что теперь выставят везде патрули и дополнительную охрану, будут активно выявлять и искать партизан среди жителей и тех, кто им помогает. А уж полицаи точно постараются. Даже сами немцы зачастую относились к местным полицаям весьма пренебрежительно, не могли им полностью доверять. Слишком уж сильно они старались выслуживаться перед своими хозяевами, готовы были даже задницу лизать и тряслись от страха за свою шкуру. Были конечно среди них и идейные, которые ненавидели советскую власть.

Обстановка все более накалялась. Остаться в доме Ольге с детьми было нельзя. Конечно же партизаны и Николай не доверяли этому самому переводчику, поскольку он являлся свидетелем и мог как считали всех выдать в любой момент. Немцы предприняли сдержанную тактику и от карательных мер решили все-таки пока воздержаться, им гораздо целесообразнее было раскрыть всю цепочку, чтобы выйти на след партизанского отряда и его уничтожить. В партизанском отряде был разработан определенный план. Поскольку немцев

было всего двое, Ольга должна была подсыпать снотворное в еду или чай, после чего, как только немцы уснут, впустить партизан, который их добьют и уйти вместе с детьми.

– Завтра, вечером, примерно в это же время, мы за тобой придем, заберем тебя и детей. Вечером, за ужином, подсыплешь немцам снотворное, в еду или в чай. Как уснут, дашь условный сигнал, посветишь в окно лампой, откроешь мне дверь. Пока спят, уберем их по-тихому, без лишнего шума.

– Иоганна тоже убьете? Он же тебя не выдал. – Ольга вдруг заколебалась.

– Нашла кого жалеть... Ты детей пожалей!

– Н-е-е-т... Коля, я не могу...

– Сделаешь, как я сказал! Если немцы тебя возьмут, всю ячейку раскроют.

– Я не скажу ничего!

– Выхода нет... Детей погубишь и себя тоже! – настаивал муж. – На, возьми, пакетик со снотворным. Ты все поняла?

– Да.

Когда Николай уже уходил, его заметил тот самый немецкий офицер, он немедленно бросился за ним в погоню и открыл стрельбу. Мужчина успел перемахнуть через забор и скрылся. Иоганн же, услышав стрельбу немедленно вышел из дома и с ужасом наблюдал картину происходящего.

– Партизаны у нас под носом, а мы ничего не замечаем! Я только что его упустил! – Взбешенный Гюнтер, зайдя в избу схватил хозяйку за волосы.

– Партизан? Это партизан? Отвечай!

– Нет...

– Кто это?

– Я не знаю.

– Скажи ей, что её ждёт за связь с партизанами. – лейтенант обратился ко мне. Я схватился за голову. – Что вы наделали... Вас повесят! Испуганная женщина была в слезах. Гюнтер приставил к виску Ольги пистолет и потащил ее к двери.

– Мама! Мама! – испуганная Валентина прижимала к себе

брата.

Офицер поручил мне следить за детьми, закрыв их в комнате, а сам повел Ольгу в комендатуру. Что делать? Я метался, мысль оттого, что погибнут дети и я буду к этому причастен не давала мне покоя. Как я смогу потом жить, зная, что их смерть на моей совести?

– А если я их отпущу? – мелькнуло в голове. – Что будет со мной? Меня самого отправят под трибунал и обвинят в сговоре с партизанами. А какая разница? Сдохнуть раньше или позже? Не сейчас, так в бою или на очередном задании... Черт! – я метнулся к Валентине и велел убираться отсюда, как можно быстрее, при этом специально открыл окно и создал вид, что дети сбежали.

Ольгу сразу же подвергли допросу, но она упорно молчала. Как я и полагал меня тоже вызвали на допрос.

– Вы что, действительно никого не видели? Партизаны у вас под носом, а вы ничего не замечали? Ни вы, ни г-н лейтенант? – допытывался комендант. Изю всех сил я начал отпираться и строить из себя дурака. Признал только одно, что виноват, и когда дети убегали выстрелить в них, я не мог! Мне не хватило решимости и просто было их жалко. В итоге мне сделали строгий выговор, списали все на халатность,

при этом учли мои прошлые боевые заслуги и то, что я был отличным переводчиком, в услугах которого нуждались. Каким чудом я смог так легко отделаться, я не знаю!

Вскоре один из полицаев выследил пятнадцатилетнюю Алену Демидову, которая была связной, обнаружил девушку в момент, когда та делала закладку. Вскоре, партизан казнили на площади. Мне очень жаль, но что-либо сделать еще, было не в моих силах!

Все это невероятно выматывало и без того мои напряженный нервы.

Глава 19

После тех самых тяжелых потерь, который понесла наша дивизия под Москвой, она признавалась боеспособной лишь частично. Нас в основном держали в резерве, и мы охраняли лишь небольшой участок фронта восточнее Вязьмы. Пополнения, чтобы сразу же восстановить нашу численность нам было ждать неоткуда. Прежде, чем прислать новобранцев, их надо было еще хоть как-то подготовить и обучить, в то же время, как опытных солдат, что были с начала летней компании, оставалось немного. Иногда только некоторые части нашей дивизии кидали то на один участок, то на другой, как вспомогательные. Локальные стычки и бои местного значения все же случались.

В октябре 42-го, на одном из заданий, погиб командир взвода и ефрейтор, Ганс Шварц, несколько наших солдат получили ранения. Оказалось, что русские заминировали подходы к своим позициям, наш сапер не успел обезвредить все мины, и мы еле-еле успели унести ноги и вытащить наших раненых. После этого обязанности командира взвода взвалили на меня, поскольку даже более подходящей кандидатуры не было. Все мои мечты об отпуске оставались только мечтами, что меня просто злило невероятно!

Летом и к осени, основные события развернулись на юге, в районе Сталинграда, на берегу Волги. Конечно же до нас доходили определенные слухи и информация о том, что там происходило. Поначалу немецкие войска имели определенный успех, казалось, что вот-вот сомкнут кольцо окружения советских войск и возьмут город на Волге. Взять Сталинград, город, носивший имя Сталина – для Гитлера было делом принципа! Да и именно в Сталинграде находился завод, выпускавший советские танки и ряд других изделий военно-оборонной промышленности. В конце ноября, начале декабря, мы узнали, что дела у нас под Сталинградом совсем плохи и 6-я армия Паулюса попала в окружение. Но всей тяжести сложившейся ситуации и масштабов трагедии мы еще не осознавали. Нас успокаивали, и говорили, что это временно, на помощь спешит танковая группировка Манштейна и она обязательно прорвет кольцо окружения. Да и полной информации о том, что там происходило, в этом котле, нам не

давали, о многом умалчивали. Знали обо всем, только генералы и высокопоставленные офицеры. Нам, лишь говорили о том, как героически сражаются войска Вермахта под Сталинградом и на этом – все!

Третьего февраля, утром, мы узнали, что армия Паулюса окончательно капитулировала. Такого разгрома Вермахт еще не знал! 330 тысяч солдат и офицеров, 22 дивизии, 91 тысяча солдат, попавших в плен, в том числе и Фельдмаршал Паулюс – таковы были потери! По всей Германии был объявлен траур. Мне было не по себе от мысли, что в этом котле мог бы оказаться и я, но слава Богу, сия участь меня миновала

В январе, меня срочно вызвали к начальству и предложили отправиться в офицерскую школу, пройти ускоренные курсы, так как дивизия перестроивалась, получали пополнение и офицерского состава не хватало. А также для того, чтобы в случае необходимости я мог заменить командира роты. На курсах я пробыл три месяца, после чего вернулся в свою часть.

В феврале нашу 258-ю пехотную дивизию причислили к 9-й армии Моделя и срочно направили в Орловскую область, на северный фас Курского выступа на помощь разбитым частям. К тому времени, я как раз заканчивал краткие офицерские курсы. Вернулся в часть только в марте, 24 числа, после чего мне было присвоено звание лейтенанта и получил должность заместителя командира роты. В феврале дивизия

участвовала в боях за Малоархангельск, но этот момент я пропустил. Тяжелые бои за Малоархангельск шли почти 2 недели. Бои завязались у села Муравль. Дивизия имела успех против уступавшего в силе противника, пока к русским не подоспели морские пехотинцы. В итоге обе стороны вынуждены были перейти к обороне, и линия фронта закрепились на рубеже Турейка – Гнилец. На этом рубеже обе стороны закрепятся вплоть до летнего наступления на Курской дуге и более крупных сражений до этого времени не будет. Бои продолжались до 21 марта, потом наступило полное затишье.

Целенаправленно делать карьеру я не особо стремился. Спросите почему? Все очень просто. Чем выше звание – тем больше ответственность и тем больше с тебя спрос. Просто-му солдату меньше надо думать, ему поставлена конкретная задача и он должен ее выполнить! А уж если эта задача поставлена неправильно, или ошибочно определена, цель, стратегия – все можно свалить на вышестоящее начальство! Офицеру же самому приходится принимать решение, что делать в той или иной ситуации, определять те самые цели, тактику и стратегию, при том еще и отвечать за своих подчиненных. В случае чего, вздрючат так, что мало не покажется!

Постепенно, к нам прибывало пополнение. В основном молодые, неопытные, от восемнадцати лет и старше сорока, так называемые резервисты. Подготовка у новобранцев была уже совсем не та, а значительно ниже, чем у тех, кто участвовал в европейской компании и в начале 41-го года. У но-

вобранцев было больше шансов погибнуть в первом же бою, нежели у опытных бойцов.

Один из таких новичков, который пришел к нам во взвод был Кристиан Менкель. Кристиану было всего девятнадцать лет и в разведку он попросился сам. Высокий, худощавый, со светлыми волосами, немного курносый, вместе с тем он был излишне, как мне казалось, самонадеянным и самоуверенным. Кристиан так и рвался быстрее пойти на задание, побывать в бою, был идейным и преданным национал-патриотом, состоял в «Гитлерюгенде».

– Ты хоть знаешь, что такое разведка? – спросил я его.

– Да. Я готов хоть сейчас! Я отлично стреляю и владею приемами рукопашного боя!

– Это хорошо. Но в разведке это не самое важное.

– А что важное?

– Крайняя осторожность, внимательность, маскировка, выдержка, спокойствие, крепкие нервы, быстрота реакции, хитрость, смекалка... Служба в разведке – одна из самых опасных. Не думай, что все так просто...

Теперь немного об общих настроениях среди солдат, которые преобладали в Вермахте. Несомненно, после поражения под Сталинградом, боевой дух в немецких войсках значительно упал и многие в победу немецких войск уже не верили. Признаться честно, я и сам в это не верил. Я прекрасно видел реальную картину, когда потери, которые понесла наша дивизия под Москвой, долгое время восполнить было

практически ничем! А людские ресурсы, они тоже не бесконечны. Поражение Германии в этой войне было всего лишь делом времени, и вопрос стоял только в том, сколько мы еще продержимся. Только лишь молодежь, вроде Кристиана, все еще питали какие-то иллюзии. Тем временем шли слухи, о весенне-летнем наступлении и о том, что летом мы непременно возьмем реванш за наше поражение под Сталинградом. О взятии Москвы уже даже и речи не было! Речь шла о том, чтобы, разгромив русских в летней компании попробовать заключить перемирие и оставить за собой хотя бы часть завоеванных земель. Хотя надеяться на это, тоже было глупо, русские вряд ли бы на это согласились. А что будет, если Германия проиграет войну? При мысли об этом мне тоже становилось не по себе. В какое же дерьмо мы вляпались? Черт бы побрал этого нашего Фюрера с Геббельсом вместе и со всей его свитой. Злость и негодование копились во мне уже долгое время, как от усталости, от того, что мне пришлось пережить, так и от того, что мне даже в отпуске не удалось побывать.

При этом высказывать всяческое недовольство и критику в адрес наших начальников и нашего руководства категорически воспрещалось. Какие-либо пессимистические настроения тоже старались пресекать, так как это подрывало и без того упавший морально-боевой дух наших солдат. Даже письма домой подвергались жесткой цензуре. За анекдот могли отправить под трибунал, в штрафной батальон, вплоть

до расстрела. Но тем не менее эти анекдоты я слышал. Однажды, я даже сам позволил себе неосторожно высказаться, назвав попытку Гитлера взять Сталинград дурацкой авантюрой.

– Только при вышестоящем начальстве этого не говори! Придержи язык! И будь осторожен, когда называешь планы нашего фюрера дурацкой авантюрой. Немецкая армия еще достаточно сильна, чтобы нанести поражение русским. – сказал капитан.

– Г-н гауптман, вы думаете русские не успеют подготовиться к нашему наступлению? Времени у них на это будет достаточно. А если русские начнут наступление первыми? Сам черт не знает, что у них на уме.

– Он прав, противника действительно нельзя недооценивать! – согласился обер-лейтенант, командир роты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.